

Алена
МОСКОВСКАЯ



ВЕРНУТЬ ЖЕНУ
ПОСЛЕ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Алена Московская

Вернуть жену после предательства

<https://litres.ru/74320353>

Аннотация

♥#МОЯ НОВИНКА "ИЗМЕНА. ВЕСТНИЦА РАЗЛУКИ":

– Рая! Открой! – мой бывший муж стоял за дверью и требовал разговора. – Нам не о чем говорить, у тебя другая семья!!! – Вы моя семья! Были и всегда будете, – он все не унимался. – А твоя беременная любовница об этом знает?

Судьба сыграла со мной злую шутку. Мы с бывшим мужем теперь соседи. Одна лестничная клетка, постоянные встречи. Только вот я помню его предательство. Помню его слова о любви к другой. Он оставил меня с двухлетней дочерью и ушел. А теперь что? Семья? Смешно. Хочет вернуть меня? Пусть сначала отмоев свою совесть! И заодно дверь!

♥#ХЭ ♥#Нежная героиня с искринкой ♥#Пакости для предателя НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ДОБАВЛЯТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И СТАВИТЬ ЛАЙКИ♥#

Книга выходит в рамках литмоба "Вернуть бывшую жену".
Все книги моба по ссылке:

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Визуализация-1	18
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	49
Глава 8	61
Глава 9	70
Глава 10	77
Глава 11	84
Глава 12	89
Глава 13	96
Глава 14	102
Визуалы 2	112
Глава 15	113
Глава 16	120
Глава 17	128
Глава 18	133
Глава 19	140
Глава 20	148
Глава 21	156

Глава 1

Рая

Жизнь любит преподавать урок.

Иногда он слишком болезненный, чтобы быстро оправиться.

Так и сегодня, я поняла — еще болит.

Моя дыра в сердце не испарилась и даже не затянулась...

Никогда бы не подумала, что запах новостройки способен тронуть до слёз.

Но вот я стою в дверях своей новой квартиры.

Своей...

Только от осознания этого факта внутри все теплеет.

Под ногами скрипит ламинат, новенький, будто улыбается мне — ну привет, хозяйка.

Стены светлые, окна — огромные, почти в пол.

Словно кто-то сверху подсмотрел мои мечты и тихонько притянул нужный дом к нужной жизни.

Я делаю шаг и уже иду по коридору, по пустым комнатам, еще без детских игрушек, ладонью глажу стены, шершавые от обоев.

Завтра привезут оставшуюся мебель, соберут и все. Можно жить.

— Ну что, Рая, — шепчу себе, — Приехали.

От этой фразы горло тут же перехватывает.

В голове вспыхивает мамино лицо: "Вам с внучкой, живите. Над головой — своё, не ютится же вам по съемным углам."

Мама, чтобы помочь нам продала свою дачу. Старенькую, с шатающейся верандой, которую сама строила с папой. Отдала мне деньги — молча и без предупреждения. А я ведь уже ипотеку собиралась брать.

Но она опередила, сказала только:

— Мужики приходят и уходят, доченька, а крыша над головой — остаётся.

Я всматриваюсь в каждый угол. Еще как во сне, не могу поверить.

На кухне, где скоро будет висеть расписание Киры, пылеть чайник и пахнуть гренками, пока только кухонный гарнитур и выключенный холодильник. Даже чайника самого-то и нет.

Но в моём воображении — уже кружка с корицей, пирог в духовке и «Мама, смотри, я нарисовала фиолетовую корову!»

И, как по заказу, вспыхивает телефон.

На экране — "Доча".

Ну, не дочка, конечно, а воспитательница прислала фото: Кира сидит в розовой кофте, уставилась на муравья.

Подпись: "Она сказала, что этот муравей — грустный, потому что у него нет квартиры."

— Ну не знаю, муравей, — шепчу я в экран, — Мы вот

себе нашли.

И впервые за долгое-долгое время мне становится чуть легче дышать.

Я захожу в самую большую комнату — нашу с ней спальню.

Её кровать с балдахином и фееми, а рядом — столик с раскрасками, вечно облепленный пластилином.

А моя кровать? А ничего. Стоит в углу, никому не мешает.

Подхожу к окну. Внизу, через дорожку — наш садик.

Большой, но уютный, с горкой и пёстрыми качелями.

Я специально добивалась места там, даже подмазывалась в родительский чат.

Носила торты с зефиром на собрания — всё, чтобы Кира попала сразу именно туда, чтобы ей было привычно, когда мы переедем.

Она сейчас там.

Сажу на диване перед коробками. Оборачиваюсь и взгляд задерживается на торшере.

Лампочка... лампочку я так и не купила. Да и чёрт с ней, с этой лампочкой.

Сидим с солнцем на закате и молчим вдвоём. Только оно греет, а я — думаю.

Если верить слухам, у одиноких женщин с детьми ничего не получается. Не справляются, говорят. Пропадают, опускаются, срываются.

Ну так вот — они лгут.

Я — хрупкая. Да. Иногда ложусь и думаю: всё, хватит, больше не могу.

А потом встаю.

Веду дочку в садик.

Сдаю проект.

Еду к врачу.

Ташу мешок с картошкой и думаю — а ведь я ташу не картошку, я ташу свою жизнь, на себе, вперёд.

И вот сижу тут. В своей квартире. Да, с помощью. С мамой. С небольшим кредитом. С множеством потраченных нервов.

Но я справилась. Я. Сама.

Даже без мужчины.

Даже без Анвара, который ушёл, когда Кире было два.

Который сказал, что "ему надо подумать", а потом явился, рассказал про вторую семью, мол влюблен в другую, все, не может быть с нами.

Подумал... принес мне свидетельство о расторжении брака и исчез. Только алименты оставил, которые раз в месяц на карту приходят.

Полтора года назад.

Больно было. Очень.

Но теперь... я даже рада, что так вышло.

Все, кто уходит из нашей жизни, уходят к лучшему.

Как бы жестоко это ни звучало.

Как бы обидно ни было признавать, что всё было не на-

всегда и клятвы не сдержаны и кольца больше не носятся на безымянном пальце.

Теперь только я и Кира.

Моя девочка, мой смысл жизни.

И мы будем счастливы.

Даже без папы.

А именно — без папы-предателя, которому мы не нужны.

Я еще долго ходила прибиралась по комнатам, будто при-
меряла на себя эту новую жизнь.

Потом решила: пора. Надо идти купить хотя бы лампочку,
а то вечером будем в полумраке лепить.

Взяла сумку, сунула ключи в карман и выходя вдруг по-
думала:

Интересно, в этом подъезде кто-то вообще здоровается?
Или как в фильмах — только покосившиеся взгляды и "не
поставили подпись в собрании жильцов"?

Открываю дверь.

И сразу — словно пощечина.

На лестничной площадке, прямо у лифта, стоит он.

Смотрит в экран телефона, плечом касается женщины ря-
дом.

Она беременна.

Живот под тонким платьем — месяц восьмой.

Она что-то говорит ему, он кивает, улыбается.

Эта улыбка.

Господи.

Сколько лет я за неё держалась.

Я не шевелюсь.

Сердце уже где-то в пятках, ладони вспотели, а ноги внезапно вспоминают, что такое рефлекс самосохранения.

Раз — и я назад.

Два — и дверь захлопнута.

Я подхожу к глазку. Смотрю.

— Нет, — шепчу на выходе, — Не ошиблась.

Это он.

Анвар.

Мой бывший муж и отец моей дочери, стоит в моем подъезде, обнимая беременную девушку.

Глава 2

Рая

Я всё ещё стою у глазка.

Он там.

С пакетом в одной руке и беременной женщиной — в другой.

Идут медленно, она поправляет платок на плечах, он что-то говорит ей — и она смеётся, наклоняясь к его плечу.

Щёлк.

Дверь их квартиры закрывается.

С грохотом.

А потом наступает... тишина.

Та самая, в которой слышно, как стучит мое сердце

Я не иду в магазин.

Я даже не шевелюсь.

Просто сажусь прямо у двери. На ламинат. И смотрю в одну точку.

Меня трясёт.

Лёгкая дрожь начинается в пальцах и поднимается к горлу.

Дыши. Просто дыши.

Я не видела его полтора года.

Полтора.

И думала... надеялась, что не увижу ещё десять.

Хотя бы.

А тут — он.

С другой.

С будущим ребенком.

А я — это прошлое.

Удивительно, как быстро можно отмотать себя назад.

Словно снова стою в коридоре, держу его чемодан.

Словно снова слушаю, как он говорит: " Надеюсь, ты встретишь еще свое счастье. "

А я кивала, чтобы не расплакаться.

Чтобы не выдать, как мне страшно.

Теперь вот сижу здесь.

В своей квартире.

И понимаю: справилась.

Но это не отменяет того, что сейчас — больно.

Просто... по-другому.

Как?

Как это вообще возможно?

Эту квартиру я нашла полгода назад.

Когда она ещё была на стадии «смотрите, у нас вот тут будет окно, а вот тут — стена, если всё пойдёт по плану».

Я рыла форумы, мониторила новостройки по ночам, считала каждую копейку, чтобы уложиться в бюджет.

Выбрала без отделки — дешевле. Сама полы выберу, сама стены покрашу, сама всё сделаю.

А теперь выходит... он тут живёт?

Анвар? В этом же доме? В этом подъезде?

Как говорить-то с ним? С моим новым соседом.

Соли не найдется? Ох... да нет. Вся уже на моих ранах.

Наверное глупо будет, говорить-то.

С человеком, который принес мне бумаги о разводе в жёлтом файлике и даже не спросил, как я буду жить дальше?

С тем, кто оставил нас — просто, как забытый пакет в багажнике?

Ох. Тяжело вздыхаю и осматриваюсь, в попытках восстановить дыхание.

Наша дочь так часто спрашивает:

"А папа? А какой он? А он меня любит?"

Иногда мне хочется соврать.

Сказать, что он уехал в другую страну, в космос, что он шпион или моряк.

Но я молчу.

Потому что правды проще не бывает: он ушёл.

Она помнит его лицо?

Иногда мне кажется — нет.

А иногда, когда она засыпает, и губы шепчут: «Папа...» — я думаю: помнит.

Где-то глубоко, в каком-то уголке крошечного сердца.

И вот теперь он — за стенкой.

А я...

Я — тут.

Смотрю на часы.

Пять сорок три.

Выбора нет.

Я встаю.

— Пошли, — уговариваю себя.

Вскоре уже иду по дорожке к саду и вижу её сразу — на лавочке с воспитательницей.

Кира держит в ладошке камушек и что-то увлечённо рассказывает.

У неё прищур, как у сыщика, губы сложены трубочкой — она явно при деле.

— Мамочка! — замечает меня и слетает с лавки, как комета.

Я ловлю её в объятия, прижимаю нос к тёплому виску, вдыхаю запах солнца, песка и детства. Всё моё. Вся моя, бу-синка.

— Ты знаешь, — говорит она, пока мы идём домой, — сегодня был муравей с бородой. Ну, как будто борода. Я его назвала Серафим. Он вёл всех остальных.

— Серафим? — улыбаюсь я. — А откуда ты знаешь такое имя?

— Из сказки. Там был. Или из мультика.

— Ты моя выдумщица, моя придумщица.

Мы идём неспешно, она болтает без умолку: про муравьёв, про новую девочку, у которой два банта и сломанная пуговица, про манную кашу, которая была «без комочков, но всё равно фу». Я слушаю.

Каждое слово — как спасательный круг.

Потому что пока она говорит — я жива.

Пока она рядом — я держусь.

— Сейчас в магазин зайдём и домой. На новое место.

Вечер проходит как обычно.

Я варю ей макароны, отрываю листик из календаря, включаю мультики ровно на 30 минут — не больше, мы договорились.

Она хохочет, когда я гонюсь за ней с пижамой.

Потом мы вместе чистим зубы.

Я разыгрываю щётку, будто это монстр, который хочет её "съесть", если не почистить как следует.

— Сказку? — спрашивает, уже устроившись под одеялом.

— Про твою любимую Золушку, — киваю я, забирая с того самого столика с пластилином, её любимую книгу.

И читаю.

Про тыкву, про фею, про волшебное платье.

Она смотрит широко раскрытыми глазами, будто в первый раз.

Иногда подсказывает вполголоса:

— Сейчас тувелька упадёт... Вот! Видишь?

Я глажу её по волосам.

Она тянется ко мне, укладывается на подушку и шепчет:

— Мам, ты у меня самая настоящая принцесса.

— Почему?

— Потому что ты добрая. И у тебя платье красивое. Ну и

ты тоже без папы, как Золушка.

Ком в горле.

Но я улыбаюсь.

— Спи, бусинка.

Она засыпает быстро. Ресницы дрожат. Рука сжимает угол одеяла.

А я сижу рядом.

Сказка закончилась.

А в голове — всё та же история и явно на сказку не похожая.

Он здесь.

На этом же этаже.

Мой былой. Мой предавший. Мой исчезнувший.

Если бы у нас всё было по-другому...

Он бы сейчас сам читал ей эту сказку.

Она смеялась бы с ним. Смотрела бы на него так же, как на меня.

Засыпала бы под его голос.

Но теперь у него, видимо, будет новая сказка.

Новая маленькая Золушка. Или Принц. Или кто там ещё родится.

И он будет читать кому-то другому.

С тем же голосом.

С теми же интонациями, которые я когда-то любила.

Кошки скребут на душе, но я знаю один выход.

Тихонько прикрыла за собой дверь.

Направилась на кухню, достала сок из уже включенного холодильника и решила выйти на балкон.

Летняя свежесть и наконец-то севшее до конца солнце.

– Хорошо, – прошептала сама себе под нос, усаживаясь в мягкое кресло, – все будет хорошо...

Только вот знакомый до боли голос, совсем рядом, разрезал минутную тишину.

– Я был вчера в этом клубе, такая херь.

Секунда осознания.

Стоп.

У нас что еще и один балкон?

Дорогие читатели, спешу сообщить, что сегодня, 18.04, на книги литмоба действуют СКИДКИ до 50%

Переходите по ссылке, выбирайте истории по душе и наслаждайтесь!

ССЫЛКА НА СКИДКИ ЛИТМОБА: https://litnet.com/shrt/Nk_I

Визуализация-1

Познакомимся с героями?

Хайруллина (Глоткова) Раиса - 26 лет.

Есть доченька Кира 3,5 года.

Работает маркетологом в ресторанах, частично удаленно, чтобы заниматься домом и семьей.

Хайруллин Анвар - 32 года.

Военный. Работает в ФСБ, разведка.

О последних годах его жизни мало что известно, всегда был крайне скрытным мужчиной.

Дорогие читательницы, рада приветствовать вас в истории!

Обещаю будет зажительно, весело, иногда грустно!

Мы покажем предателю где раки зимуют и не только!

А пока, прошу вас поставить историю звездочку(лайк) и добавить в библиотеку, чтобы не потерять.Прожатые кнопки должны быть фиолетовыми.(инструкция ниже)

Подписывайтесь на меня, чтобы не пропустить скидки и новинки.

Хорошего дня, ваша Алена!

Глава 3

Рая

— Я был вчера в этом клубе, такая херь.

Он прямо за стенкой. Или — нет, за перегородкой.

Балкон. Один.

О боже мой, ну нет. Нет. Как так-то?

И ведь голос такой, будто он сейчас ко мне заглянет и спросит: "Ты что, подслушиваешь?"

Однако он продолжает говорить.

— Думаю, братан, ну давайте, покажите мне, где девок тут имеют. А там... ну, короче, такое. Я прям слегка разочаровался. У одной — ноги кривые, у второй — сиськи сделаны, будто в подъезде.

Я замираю.

Сок в горле останавливается.

Я не верю своим ушам.

— В общем, братан, уровень слабее, чем в Питере.

— Ага, — хохочет кто-то на громкой, — ну ты даёшь.

А он дальше, без паузы:

— Но ладно, это дело такое. Походил, посмотрел, повибирал...

Хотели мне подложить какую-то рыжую, а я рыжух — ну вообще нет, у меня прям с детства на них антипатия. Короче, мрак. Сеня что-то вообще не прочухал нишу.

Я сижу, как будто меня кто-то ударил.

В живот.

В сердце.

Во все эти выдохи, которые я делала полтора года, чтобы забыть его.

Чтобы не думать. Чтобы отпустить.

У него — женщина беременная.

А он...

Он шляется по клубам.

Оценивает грудь. Ноги. Цвет волос.

Смеётся. Рассказывает об этом вслух, будто обсуждает футбольный матч, а не свою личную жизнь. Как так можно? неужели не мерзко произносить такие слова?

Помыть бы рот с мылом...

Ком в горле.

То есть у него не просто другая семья.

У него даже та другая женщина — не последняя.

Он всё так же... ищет.

Ходит. Выбирает. Тестирует.

А я...

Я сижу с книгой про Золушку.

С детским рисунком на холодильнике и мыслями о том, помнит ли Кира его лицо.

И вдруг становится по-настоящему страшно.

Потому что я не знаю, кого я когда-то любила.

Кого я пустила в свою жизнь.

Кому доверила себя и дочь.

Я считала его потерей, а, может, надо было считать — избавлением.

Я уже закрыла балконную дверь... Вышла оттуда на кухню.

Но нет, окно-то нараспашку и этого достаточно.

Голос пробивается всё равно.

Или, может, я сама прислоняюсь ухом — потому что не верю, не могу не слушать, не могу не знать.

— Ну чего, — говорит он, хрустя чем-то, может, семечками или чипсами, — беременную? Да, привёл домой. А что?

Пауза.

И тут он добивает:

— Ну... помыла мне посуду, убралась. Я думаю — ну красота, нормально. Всё аккуратно сделала, кастрюлю поставила, швабру выжала, полы пахнут... Проводил. Пусть идёт.

Щёлк.

Внутри меня что-то щёлкает.

— Не хватало ещё, чтобы она у меня тут рожала. Мне это надо? Пелёнки, вопли... Да ну на фиг. Что мне с ней делать на сносях еще?

Глаза на мокром месте.

Не от жалости.

От шока.

Я сижу на корточках у балконной двери.

И чувствую, как всё внутри... ломается.

Всё, что я годами лелеяла, оправдывала, склеивала, бережно прятала от других.

Всё — разбивается.

Он говорил про неё.

Про ту женщину, с животом, с глазами, полными надежды.

Которую он держал за руку в подъезде.

А он...

Он говорит про неё, как про уборщицу, как про временное явление.

Не "мать моего будущего ребёнка".

А — "ну убралась, и слава богу".

Я вскакиваю.

Резко.

Стол задеваю бедром, сок плещется из стакана на ламинат. Вот блин...

— Господи, — шепчу, прикрывая окно, — Какой же он чудовище...

У меня пересыхает во рту.

Я не чувствую ног. Только гул в голове.

Шум, как будто я в воде. Где-то глубоко. Где всё звучит глухо, но жутко понятно.

Как я могла его любить?

Как я могла спать рядом с ним?

Смеяться.

Рожать от него ребенка, когда он говорит такие вещи про

беременную женщину. Он и про меня так говорил?

А как я могла ему вообще верить? В голове не укладывалось.

Сажусь прямо на пол.

Не могу иначе.

Не могу дышать стоя.

Грудь сжимает, будто кто-то кулаком вдавил внутрь бетон.

Когда-то он был для меня... всем.

Любовью. Опорой. Мужчиной, за которым — как за стеной.

А теперь — грязный голос за стенкой, обсуждающий женщин, как мебель.

Даже его новую девушку, которая, возможно, мечтает о совместной жизни, о детской кроватке, об их счастливом совместном будущем.

Он привёл её.

И вытер ноги.

Словами. Интонацией и гадким равнодушием.

А я...

Я ведь плакала по нему и иногда плачу до сих пор.

Ждала, скучала, оправдывала.

Зря.

Он всегда был таким.

Глава 4

Дорогие мои читательницы, сегодня “День прод” главы будут выходить весь день!

Буду рада вашей обратной связи!

Рая

Утро выдалось... обычным.

Что уже, в принципе, удивительно.

Я проснулась в шесть, как по будильнику, хотя его и не ставила. Просто — открыла глаза, посмотрела в потолок и почувствовала облегчение. Огляделась вокруг — мой новый собственный дом.

Как там говорят? На новом месте?

Но.. к сожалению, на новом месте даже жених не приснился. Жених уже был, вот прямо тут за стенкой.

Кира встала через десять минут, сама, ещё сонная, в своей любимой футболке с котёнком.

— Мам, доброе утро, я проснулась, — радостно сообщила она, зевая и натягивая носки.

Я кивнула и улыбнулась.

Моя радость, мое солнышко.

Так любит ходить в детский садик, что просыпается туда сама.

Мы завтракали в тишине. Овсянка с яблоками. Молоко в новой кружке.

Кира болтала, я слушала, поддакивала, завязывала ей хвостики, проверяла сменку и параллельно думала о том, успею ли сегодня сдать макет до обеда.

Но как только мы вышли из подъезда, сердце стало стучать чаще.

Я вглядывалась в каждое окно, как будто он мог стоять там, смотреть. Но ничего не было. Соседнее окно было потухшим. Спит.

Я проводила Кирочку и только тогда смогла выдохнуть, когда её забрали в группу.

Там — безопасно. Там — он её не увидит.

И чем больше пройдет до этого времени - тем лучше.

Дома я сняла кроссовки, прошла на кухню, налила себе кофе, посмотрела на монитор — и не села.

Почему-то ноги сами понесли меня на балкон.

Проверка, хоть так делать и нельзя.

Потянулась к шторе.

Отодвинула чуть-чуть.

Тихо.

Пусто.

Никаких голосов.

Пепельница осталась на краю, лежит перевёрнутая, как будто кто-то дёрнул стол.

И тут... стало тянуть.

Любопытство.

Глупое, стыдное.

Я себе повторяю: подслушивать нехорошо.

Я не такая. Я не хочу знать, что он ещё говорит.

Но внутри — как зуд: а вдруг он опять что-то...

Или она. Или кто-то.

Соблазн, к моему сожалению, слишком велик.

Я стою, как шкодница, с чашкой в руке, смотрю в сторону перегородки, где вчера рухнула часть моей прошлой жизни.

Нет. Так нельзя.

Возвращаюсь в комнату, ставлю чашку на подоконник и беру ноутбук.

Работа.

Никаких балконов.

Никаких мыслей о нём.

Только тексты. Сметы. Презентации.

Моя работа — маркетолог в ресторане. Удаленно.

Я веду их соцсети, разрабатываю рекламные акции, делаю креативы, обновил меню для сайта, общаюсь с дизайнерами и подрядчиками.

Параллельно переписываюсь с директором — у нас запускается новый проект: завтраки в будни с бокалом просекко.

В голове прокручиваю формулировки.

"Легко начать утро".

"Проснись по-французски".

"Пусть завтрак станет поводом улыбнуться."

Я даже улыбаюсь. На автомате.

Отправляю пять писем.

Договариваюсь о фотосессии.

Делаю шаблон афиши.

Проходит час, потом второй.

Пока не понимаю, что время прошло.

Работа — как ватная пелена.

Но мысли всё равно возвращаются.

К нему.

К тому, кого я не звала, не ждала и не хотела видеть больше никогда.

А теперь он — через стену.

И вся моя система безопасности дала трещину.

Что будет, если он увидит Киру?

Он ведь... не знает, что мы теперь живём здесь.

Не мог знать. Мы не пересекались.

Он просто купил квартиру. Или снял. Или живёт у неё.

А если...

Если однажды выйдет из квартиры — и она окажется перед ним?

Скажет ли она "папа"?

Узнает ли его?

А он её?

Мне становится нехорошо.

А если — хуже?

Если он просто пройдёт мимо? Не узнает. Не отреагирует.

И тогда...

Тогда моя дочка — поймёт всё сразу.

Что он не хочет её знать.

Что он не нужен.

И я не смогу объяснить это детскими словами.

Я не смогу смягчить.

Это будет первый настоящий удар.

И он запомнится ей навсегда.

Я вскакиваю из-за ноутбука.

Хожу по комнате.

Потом — в ванную. Плескаю лицо холодной водой.

Гляжу в зеркало.

Там — женщина, которая улыбается дочке, пока у неё внутри буря.

Там — я, которая одна вытянула этот дом, это утро, эту жизнь.

И, кажется, могу выдержать и это тоже.

А может, зря я так?

Может, ему просто... всё равно?

Может, он живёт по своим правилам, со своей женщиной, со своей жизнью — и на нас ему плевать?

Может, он — не чудовище, а просто... равнодушный?

И почему от этого ещё более, чем от злости?

Снова стою у окна. Смотрю на его балкон.

Закрыт.

Тишина.

Выдыхаю, надеваю ветровку, бросаю взгляд в зеркало — вроде нормально.

Выходим.

Ноги будто ватные.

Сердце — где-то в районе горла.

Каждый шаг — как будто наступаю на мину.

Я подхожу к двери подъезда, тянусь к ручке — и тут он.

Чего ты больше всего боишься, за что больше всего переживаешь - то и просходит. Закон подлости.

Анвар.

Стоит у двери.

В этот раз один.

Спортивная кофта нараспашку, ключи в руке.

И ровно в ту секунду, когда он видит меня, ключи выпадают.

С глухим звуком падают на бетон.

Он смотрит.

Я — тоже.

Время будто останавливается.

Он наклоняется, поднимает ключи.

И снова смотрит.

Хмурит брови.

И не говорит ни слова.

Сердце уходит в пятки.

Но я всё же первая.

Выкручиваю из себя обычное:

— Привет.

Он кивает.

— Привет.

Пауза.

И затем — неожиданно резко:

— Ты что, следить за мной решила?

Я — в ступоре.

Будто мне пощёчину дали.

Что?

Губы шевелятся сами:

— Нет... С чего ты...

Но он перебивает меня, не дав и договорить.

— Ладно. Пока. Мне домой пора.

И всё.

Просто отворачивается.

Открывает дверь.

Проходит мимо.

Даже не задерживает взгляд.

Даже не спрашивает:

"Как ты? Как дочь? Где вы жили? Почему ты здесь?"

Ничего.

Просто уходит.

И дверь за ним щёлкает.

А я...

Я стою на месте.

Снаружи уже пахнет листвой и вечерней летней прохладой.

А внутри — будто кто-то выключил звук.

Тишина, и в ней только одна мысль:

— Это так теперь здороваются с матерью своей дочери?

А еще, дорогие читательницы, приглашаю вас в новую книгу нашего литмоба от Анны Арно

Вернуть жену офицера

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/PaDh>

Аннотация: — Эй, тебе жить надоело, чумная?! — слышу за спиной грозный рык. — По зеркалам смотреть не учили, когда перестраиваешься?

Осознаю, что это претензия мне адресована. И даже на секунду теряюсь от возмущения.

Стоп. Да это же он гнал по правому ряду как сумасшедший. Там и вовсе фактически того ряда нет. Обочина считай. Но этим ведь обочечникам бессовестным закон не писан. И теперь он еще решил на меня ответственность свалить.

— Подожди, солнышко, — целую дочку в лобик. — Мамочка сейчас накажет бессовестного дядьку и в больницу поедем. Проверим, все ли у тебя хорошо. Ладно?

Ариша смотри теперь беспокойно. Видимо ей мой тон не нравится. Но раз не плачет, значит надеюсь ничего не болит.

Выползаю задницей назад по креслу из машины, готовая просто с кулаками броситься на урода, едва не убившего нас с дочкой, — ведь успею я выехать чуть сильнее, то моя машина была бы всмятку.

Но едва оказывавшись на своих двоих — слегка пошатываюсь, и вцепляюсь в крышу машины, чтобы устоять на ногах.

— Эй, вы в порядке? — голос виновника аварии уже не кажется таким самоуверенным и яростным.

Зато у меня будто второе дыхание открывается. Да я его разорвать готова!

Слегка встряхиваю головой, отлепляюсь от своей машины, поворачиваюсь к мерзавцу, даже поднимая вверх указательный палец, чтобы отчитать подлеца, но... так и замираю с открытым ртом, потому что передо мной... отец моей дочки.

— Аленушка?... ты... Ты как?!

Глава 5

Рая

Ночь прошла спокойно.

Впервые за эти дни — по-настоящему спокойно.

Я не выходила на балкон.

Не открывала окна.

Даже штору не тронула.

Пусть гниёт в своей тишине.

Я — не в ней.

Весь день я была занята.

Работа, письма, ТЗ по новому баннеру, правки по лендингу.

Созванивалась с дизайнером, ругалась с подрядчиком — как обычно.

Кира — в садике.

Вечером её заберёт мама.

Завтра у нее выходной, и мы договорились, что она возьмёт внучку к себе.

А я — поеду на работу. Загляну лично, пройтись, поговорить, посмотреть на людей.

На чужие лица, в которых не будет ни тени прошлого.

Сегодня я даже не плакала.

И это — удивительно.

Но где-то внутри всё ещё пульсирует.

От шока до злости.

Это всё?

Он увидел меня — и просто ушёл?

Никакого "как ты?"

Никакого "а как дочка?"

Никакого "что происходит вообще?"

Ничего.

Просто — "Ты что, следишь за мной?"

И "мне домой пора."

Домой.

А я что? Я где?

Я — не дом.

Я — кто?

Прошрое? Мешок воспоминаний? Неудобный напомина-
тель?

Ладно, я.

Но Кира?

Он даже не спросил о своей дочери.

Как она. Как растёт. Как живёт.

Ничего.

Подонки.

Хотелось выложить все грязные слова мира, каждое, ко-
торое когда-либо слышала и читала.

Назвать его так, чтобы самому стало стыдно.

Чтобы в ухе звенело.

Но не буду.

Он не достоин даже моего взгляда.

Не достоин даже моей ярости.

Потому что в ней — внимание, которого он больше не получит.

Я занимаюсь делами, мне не до этих гнетущих мыслей.

Ставлю таймер на стирку.

Вешаю плакат Кире в уголок: "Каждый день — приключение!" Это точно про нее.

Проверяю запасы в холодильнике.

Пишу список в «Заметках»: хлеб, сыр, йогурт, Кира просила зефир.

Обычная жизнь.

Только мысли всё равно...

Скребут как кошки.

По чуть-чуть.

Бездействие — иногда хуже действия.

Когда не сказал, не посмотрел, не спросил.

И сидишь теперь, как правда, теперь уж точно сумасшедшая, и гадаешь — а может, он просто не решился?

А может, ему было не до этого?

А может, узнал, но сделал вид, что нет?

А может, хватит гадать, Рая?.

Может, уже пора не искать объяснений там, где их нет и не будет.

Потому что он выбрал.

Сказать ничего.

Сделать ничего.

Проигнорировать всё.

И в этом тоже — выбор.

Не менее громкий, чем крик.

И не менее разрушительный.

Я сижу у окна.

Пью чай.

Вечер.

Окна открыты настежь.

Дома — тихо.

Кира с бабушкой гуляют на площадке, мама обещала зайти с ней чуть позже.

Я решила за это время закончить стирку.

С балкона — жара, но зато ветерок.

Сушилке тут самое место.

Вытащила, поставила, развесила полотенца, футболки, шортики.

И, конечно, ту самую футболку с котёнком.

Кира её обожает, спит в ней, ест в ней, лепит пластилин.

И каждый раз, как я пытаюсь её умыкнуть в стирку — бой.

Сегодня удалось.

Только потому, что не видела.

Наверное, чувствует, когда я её прячу.

Улыбаюсь про себя.

Вот странно — сердце ещё дёргается от последних дней, а при мыслях о дочке все пропадает. Она мое золото и мой

СМЫСЛ ЖИЗНИ.

Оставалась ещё партия: новое постельное.

Надо прополоскать, постирать вручную — оно деликатное.

Уже хотела идти, как...

Щёлк.

Скрипнула дверь балкона по ту сторону.

Он.

Снова.

Как на повторе.

И голос — этот раздражающе знакомый, с насмешкой, как будто весь мир у него в кармане:

— Да я тебе говорю, Раю видел.

Я замерла.

— С ума, что ли, сошла, не отболело у неё.

...Что?..

Меня словно к полу приклеило.

Ткань простыни скомкалась в пальцах.

— В одном доме со мной живёт. То ли в гости заходила, то ли... хрен пойми.

Я стою.

Молчу.

Смотрю на качающуюся футболку с котёнком.

На закат.

На этот поганный балкон, который стал местом утраты и прозрения.

Вот козёл...

— Да я тебе говорю, сумасшедшая.

Слова летят как плевки.

На меня.

В мою сторону.

В самое сердце.

А он продолжает:

— Мда... Женщины меня доконают.

Тяжелый выдох и звук зажигалки.

— Не нужна она мне. Была бы нужна — рядом бы был.

Вот так.

Просто.

Без запинки.

Мужчина сбежавший из нашей жизни с желтым файлом
и алиментами раз в месяц.

Я стою, теперь вцепившись в край сушилки, как в спасательный круг.

— Ой, всё. Серый, давай, — он зевает, будто устал,—
Пойду покурю спокойно, а то еще беременная звонила — все
мозги проела про своё положение. Сил моих нет.

Пауза.

Потом — с язвительной ухмылкой:

— Бабы. Что-то все от меня да хотят. Давай связь.

Щёлк.

Голос обрывается.

Тишина.

А у меня в ушах всё равно звучит: "Не нужна она мне.
Была бы нужна — рядом бы был."

И правда. Был бы.

Глава 6

Рая

Обида гудит внутри, как старый мотор жигулей.

Каждое его слово в голове — как жеваная жвачка, прилипшая к вискам.

"Сумасшедшая",

"не нужна",

"все от меня что-то хотят",

"мозги проела".

Как так можно?..

Как?

У меня дрожит подбородок.

На языке — миллион слов, от "урод" до "ничтожество".

И, честно, я уже стою на пороге: выйти и выложить ему всё, как есть, на духу.

Каждую каплю злости.

Хотя бы яйцами закидать. Тухлыми!!!

И тут — щелчок замка.

— МА! — звонкий голос Киры.

А за ней — моя мама.

И... на удивление, папа.

Папа приехал.

С баулами, с дрелью, с глазами чуть уставшими.

— Ну что, хозяйка, — он улыбается мне, — где тут моя

миссия? Буду собирать. Надо же внучке полку прикрутить.
Он проходит в коридор, осматривается.
— Светло тут. Уютно. Молодец, доча.
Я киваю и подхожу к Кире, обнимаю, вдыхаю запах улицы, мороженого, лета.

Уже чуть отпускает.
— Мама, чай будешь?
— Давай, конечно, — мама, снимает сумку с плеча, — Там пирог, кстати. С капустой, ниче такой, еще горячий.

Папа уже успел расстелить плед на полу, и Кира влезает ему на плечи.

Он встает, делает круг по комнате, изображая лошадь.
— Нооо! — кричит Кира.
— НОООО! Я тебе покажу кобылу.
Я усмехаюсь.

На кухне шумит чайник.
Я достаю кружки, ставлю их в ряд.
И только сейчас замечаю, что руки всё ещё дрожат.
Только уже не от злости, а от напряжения, которое медленно сходит.

Мама хлопает себя по коленям.
— Ну и что тут у вас за публика во дворе, а? Я на площадку вышла — у меня чуть глаза не вытекли!
— Мам, — я улыбаюсь, — началось?
— Началось, да! Стоит трое куриц, сидят, точнее, на лавке — жопами всё место заняли. Дети без присмотра ползают,

одна из них даже не видит, что её сын чуть под машину не выскочил!

— Серьёзно? — спрашиваю я, доставая пакетики.

— Я сама его оттуда вытащила! Говорю ей — у тебя ребёнок через бордюр лезет, а она: "Ой, а я в «мамском» читаю." В «мамском» она читает! Ноги раздвинули — и думают, всё! Родила — и достаточно! Воспитывать не надо! Сидят в телефоны пялятся, губы накачали — и всё, мать года, блин!

Я ставлю перед ней чай.

Папа заходит, подкидывает:

— Да у них, Галка, просто пониженная материнская чувствительность. Это сейчас так модно: родила — и давай снимать «риилс».

— Да я бы им риилс! — мама машет рукой, — Сковородкой бы по лбу, чтоб риилось.

Мы хохочем.

Я сажусь за стол.

Слушаю, как Кира смеётся, пока папа носит её на шее, слушаю как мама критикует всех подряд, но при этом наливают чай, аккуратно придерживая крышку.

Вечер пролетает незаметно.

Словно кто-то незаметно нажал на перемотку.

Я вроде бы и присутствую, и в то же время — будто наблюдаю за всем со стороны.

Как через стекло. Как сквозь тёплый, вечерний фильтр.

Мама, что и требовалось ожидать, не замолкает ни на ми-

нугу.

В ход пошло всё: площадка, погода, дети, косметолог и — конечно же — женщины.

— Слушай, Рая, — говорит она, ставя мне на тарелку ещё кусок пирога, — вот скажи мне, как думаешь: уколоть себе носогубку — это нормально?

Я зависаю с вилкой в воздухе.

— М-м... Ну... Смотря как...

— Да ничего не смотря! — машет она рукой, — Я ей говорю: «Людмила, ты мне под колку сделай так, чтобы я не как жаба, а как, ну, женщина!» А она мне: «А вы уверены, Надежда Петровна? Это же может повлиять на мимику». Я ей: «Так я ей и не пользуюсь! У меня и так всё на лице читается, без мимики!»

Папа подкалывает со своего табурета:

— Особенно, когда ты смотришь на куриц во дворе. Там у тебя без носогубки три абзаца в лбу пишутся.

Мама делает вид, что обижается, но всё равно улыбается.

А потом, как будто переключилась на следующую тему:

— А у нас бухгалтерша! Ну ты, Рая, держись. У тебя голова сейчас отвалится. Эта дура, простите за выражение, завела себе любовника.

— И чего? — спрашиваю я, смеясь.

— У неё муж дома! Живой! С пузом, но с руками. А она с этим... молодой такой, 29 лет, наверное.

— И как она его прячет?

— Да не прячет. В лоб! Я, говорит, имею право быть счастливой!

— Ну, имеет, наверное...

— Да имеет! Но, Рая, ну не при живом-то муже, которому борщ наливает, и тут же переписывается с Виталиком из СДИЭКа! Ну это ж... это ж... непедагогично!

Папа кричит, достаёт конфеты из пакета.

Мама смотрит на него и с ухмылкой добавляет:

— Вот если б я, Валера, была тебя не так сильно любила, я бы тебе, ой... хвосты покрутила. Прямо бы вышивкой. Узорами. Но, — делает глоток чая, — у тебя, Валера, характер — ангельский. Вот и досталась мне, как говорится, противовесом.

Я обнимаю Киру, которая уже укуталась в плед и уткнулась носом в моё плечо.

На ушко шепчет:

— А бабушка — это как мультик.

Я улыбаюсь.

— Почему?

— Потому что она смешная.

— Угу. А дедушка?

— Он как подушка.

Я умиляюсь и поднимаю взгляд на родителей.

Мама снова спорит с папой насчет того, можно ли есть зефир после восьми.

Папа спорит вяло, но с выражением.

А я вдруг понимаю:

Даже если в мире есть чудовища вроде Анвара, мне досталась частичка добра.

От мамы — характер, как огонь.

От папы — сердце, как шёлк.

И пусть жизнь снова потрепала, но сейчас я сижу в доме, с дочкой на коленях, и знаю: всё будет у нас хорошо, пусть и у одних.

Когда родители увели Киру домой — с рюкзаком, зефиром, желтым котом и пирогом в банке — я обессиленно опустилась на кровать.

Глаза закрывались сами.

Я чувствовала себя, как мобильник на 1 %, у которого мигнул последний диод — и всё.

Темнота.

Шум в ушах.

Тело, будто набитое ватой.

Бессонные ночи, разговоры, злость, дрожь внутри — всё навалилось.

Я постаралась уснуть.

Сил уже не было.

Жара душила, прилипала к шее, спина мокрая от простыни, но я всё равно провалилась — в это странное забытьё.

Тело расслабилось.

Голова потихоньку отключалась.

Я успела подумать:

"Встану в десять. Спокойно позавтракаю. Без криков про футболку, без мультиков, без 'мама, посмотри, я муравья спасла'..."

И уснула.

И, конечно...

Проснулась от дрели.

Нет, не от птиц. Не от солнечных лучей. Не от звонка курьера с пиццей.

От.

Противнейшей.

Дрели.

ТЫ-РР-РР-РР-РР-РРР.

ТЫР-ТЫР-ТЫР.

БУМ.

ТА-ДЫЧ.

Я открываю глаза, резко сажусь, хватаюсь за телефон.

6:57.

Шесть. Пятьдесят. Семь.

У меня на лбу пот. На виске пульс.

Я сажусь на кровати, как зомби из фильма, с абсолютно пустым взглядом.

В стену долбит.

Анвар.

Сволочь.

Саботажник тишины.

В голове как будто открывается какая-то внутренняя за-

щёлка.

Я встаю.

Резко.

Не в тапочках. Не в халате. С лохматой головой, в футболке "Живу на кофе и вдохновении".

Направляюсь к прихожей.

Где?

Где он его оставил?..

Вот!

Перфоратор папин.

Я хватаю его двумя руками.

Дышу.

Смотрю на часы.

6:59.

— Хочешь дуэль, Хайруллин?..

Получишь, достал ты меня!

Девочки, пока ждем жгучее эмоциональное продолжение, приглашаю вас в свою книгу, на которую всю неделю действует скидка!

После развода. Старая любовь не ржавеет

Ссылка:<https://litnet.com/shrt/Pygk>

Аннотация:

— Остановись ты! Нам нужно поговорить, – рычит он и идет за мной.

— Нет, не нужно. Все разговоры бессмысленны.

Десять лет назад он ушёл к молоденькой любовнице.

А я осталась одна. Поднимала бизнес, растила дочь, учила ее не ждать, что папа вернется.

А теперь он тут.

Говорит, что всё осознал. Что мы — его настоящая семья.

Что хочет начать сначала.

Только вот я не та Марина, которую он бросил.

Теперь я знаю цену себе. И знаю цену словам и времени.

Но ведь старая любовь не ржавеет?

Правда ли это, мне предстоит узнать.

Глава 7

Рая

С этой дрелью я смотрюсь, как герой плохого боевика.

«Одна. Против системы. Против бывших. Против шума в 7 утра».

Только у меня не бронежилет, а помятая после сна футболка.

И не боевой клич, а пульс в ушах и бешеное «бесит!» в голове.

Я волокла этот перфоратор к стене, как будто тащила танк.

Он тяжёлый. Шнур длинный, витой, цепляется за всё на свете — ножку табуретки, сушилку, пакет с продуктами.

Почти у цели.

Вот она — стенка напротив кухни, где я вчера хотела повесить фото Киры.

Такая светлая, идеальная стена...

Ща будет не идеальная.

— Вот тут, вот именно тут, — бормочу я себе под нос, — твоя морда не увидит никаких гвоздей, ясно, Анвар?

Подключаю перфоратор.

Руки потеют, ладони скользят.

На лбу у меня испарина.

Семь утра, семь утра!

Уже жму на кнопку — и дрель замирает.

Пум. Пффф.

Ноль.

— А?

Смотрю. Розетка.

Я не в ту воткнула.

Ну конечно.

Выдёргиваю, ловко перескакиваю через удлинитель — и спотыкаюсь об ведро с игрушками.

Бац.

Дрель падает.

Я за ней.

Хватаю, поднимаю, снова в розетку.

На этот раз — вжжжжжжж!

Вот оно, оружие возмездия.

Я, как эта, стою с этой орющей дрелью и нацеливаюсь в стену.

Сначала над фото, потом чуть левее.

Потом думаю: «А может в угол, чтобы слышно было лучше?»

Вжжж!

Тыдыщ!

Пыль.

Смотрю на результат: дырка в стене размером с горошину, криво.

Ладно.

Отступаю на шаг, чтобы оценить:

Анвар, ты слышишь?

Это — месть.

Сверлю ещё.

Вжжжжж!

Тыдык!

Руки дрожат, уже устала. Лопатки горят, майка к спине прилипла.

А ведь только 7:12.

Останавливаюсь.

Прислушиваюсь.

А он...

Тихо.

Ничего.

Не сверлит.

Я прислоняюсь ухом к стене.

Тишина.

Гробовая.

— Ну, так-то, — шепчу я, отползая обратно к дивану,—
Кто рано встает, тот... от меня получает.

Смотрю на фото Киры в рамке на тумбе.

— Прости, солнышко, мама сегодня слегка развернулась
на всю катушку.

А потом... смеюсь.

Сквозь пот, через злость и усталость — громко смеюсь.

Я. С дрелью. Босая. С одной дыркой в стене.

И такой победой в душе, как будто я олимпийское золото по перфорации взяла.

Стучат.

Не просто так... а как будто сейчас дверь вынесут плечом.

Три удара — короткие, хлесткие.

Как пощечины.

Я подскакиваю, спотыкаюсь о табурет, хватаю с кресла первые попавшиеся шорты, натягиваю на бегу — голова гудит, на щеках жар.

Пришел. Анвар. Ну наконец-то.

В голове уже гудит: ща всё скажу, ща всё ему...

Открываю.

И тут же... отпадаю.

На пороге стоит не Анвар.

Соседка.

Но не просто соседка, а апокалипсис в бигудях.

Розовых, ярких, торчащих в разные стороны.

На ней халат — ярко-зеленый, с пышными пионами.

И взгляд...

Господи, взгляд убийственный.

— Это у вас тут сверлят?! — начинает она, не дожидаясь моего “здравствуйте”.

— Простите, я... — пробую вставить хоть слово.

— ПРОСТИТЕ? — перекрикивает она, — Вы в своём уме вообще?

СЕМЬ УТРА, выходной день, люди только уснули, а у вас

там стенка дрожит, как будто бомбу закладывают!

Я моргаю.

Говорить не могу.

Стыд. Шок. И немного желание... раствориться в воздухе.

— Я, может, после ночной смены! У меня ребенок только-только уснул! А теперь не спит! И я не сплю! И весь этаж не спит, потому что какой-то гений решил делать ремонт, чёрт знает во сколько!

Она пылает.

Халат развевается, бигуди подпрыгивают.

— Что это вообще за манера?! Понаехали! Жить мешают! Не уважают! Нормальные люди по-человечески сначала предупреждают! А вы — как в джунглях! Только дрели и инстаграммы!

— Простите, у меня тоже ребёнок... — лепечу я, отступая назад.

— Пф! На говно похоже! — отрезает она, смерив меня с головы до ног, — Сейчас ещё раз завибрирует стена — я полицию вызову, поняли?

— Я... это не я... — бормочу я, чувствуя, как пальцы холодеют.

— Не вы?! А кто? Домовой?! — глаза у неё вылезают на уровень занавески, — Я вас запомнила. И соседи запомнят.

— Простите...

— Бог простит.

Разворачивается и уходит, топая так, будто марширует в

бой.

Я закрываю дверь.

Прислоняюсь лбом.

Дыхание сбивается. Щёки горят.

Мрак. Просто мрак.

Вот и расплата за то, что хотела быть крутой.

Мстительницей с дрелью.

А теперь — враг всего подъезда.

Шикарно, Рая. Просто шикарно.

Так вот и стою посреди прихожей, как школьница, которую отругала учительница перед всем классом.

Бигуди всё ещё перед глазами.

Слова гудят в ушах.

"Понаехали", "на говно похоже", "ребёнок не спит"...

И этот прощальный удар — "Бог простит, а соседи запомнят".

Я сглатываю.

В груди — пустота и сжирающий стыд.

Как будто я не перфоратор включила, а рояль с пятого этажа скинула.

Захожу на кухню.

Ставлю чайник.

Движения медленные, будто через вату.

Открываю банку с ромашкой — руки дрожат.

Как будто у меня тремор, а не утро субботы.

Завариваю.

Сажусь.

Сижу.

Долго.

Молча.

На губах — металлический привкус.

То ли от вины, то ли от унижения.

В животе — узел.

Глаза упираются в стол, но перед ним всё равно встает её халат, её тон, её фраза про "полицию"...

Я не хотела никому зла.

Я просто...

Я просто хотела прибить эту рамку с фотографией Киры, чтобы висела красиво, как у людей.

Но, кажется, теперь я враг человечества.

И вдруг накрывает злость.

А ему — значит, можно?!

Анвару!

В семь утра — сверлить!

Тарабанить стену так, что у меня в шкафу чашки звенят!

А я, значит, нет.

Я — преступник.

Я — позор района.

А он?

Никто ему в дверь не ломился, бигудями не тряс, мораль не читал!

— Ну конечно, — бормочу я, поднимаясь со стула, — Ему

можно, мне нельзя. Классика.

Пойду-ка я на балкон. Подышу. Авось отпустит...

Выбираюсь наружу.

Солнце яркое, жаркое, утреннее.

Стирка на бельевой верёвке колышется.

Тепло.

Пахнет летом.

Но внутри — опять буря.

— А вдруг... — шепчу я, шурясь в сторону перегородки.

— Вдруг это он меня так подставил?

Типа специально включил дрель, чтобы меня выставить душой?

Да нет. Бред.

Откуда он мог знать, что я живу за стеной?

Ну, не знает он. Не может знать.

Или...

А если знает?

Может, узнал вчера. Может, специально шумел.

Может, ему вообще всё по барабану, лишь бы мне было хуже.

Снова чай. Уже остывший.

Глоток — горький.

Всё внутри горько.

— Господи, ну что ж ты за... — но не договорила.

Потому что в этот момент внутри что-то сжимается.

Больно. Обидно. Несправедливо.

Так сижу на балконе, кружка с остывшим чаем в руках. Пальцы сжаты так крепко, что костяшки побелели.

И вдруг... снова хлопок двери.

Тишина — и шёпот.

— Анвар, я не знаю, как мне теперь одной растить ребёнка, — голос за стеной дрожит, будто держится из последних сил, — Мне так страшно... Я проснулась — и просто плакала...

Мурашки поднимаются по спине, медленно, как будто кто-то провёл ногтем от поясницы к шее.

Я замираю.

— Слушай, — перебивает он её жёстко, — ты думаешь, ты одна такая? Миллионы женщин рожают и сами детей тащат. Это вообще не трагедия.

Она всхлипывает. Почти шепчет:

— Но...

— А я тебе что говорил? Я сразу сказал все. Сама знаешь. Никто тебе предложение не делал, намерений серьезных не показывал.

— Ты... ты сможешь хоть как-то помогать? Я не прошу многого... просто хоть немного...

— Если будет время — помогу. У меня вообще-то жизнь есть, не только твоя беременность, — раздражённо бросает он.

Словно плюнул в лицо.

Мурашки сменяются холодом внутри.

— Прости, что заявила с утра, просто... мне плохо. Я не могу поверить, что отец моего ребёнка просто... бросил меня.

И он, без паузы:

— Бросил? Да у тебя, может, гормоны, а может, крыша поехала. Ты взрослая баба — сама знала, на что идёшь. Угломонись, Люся.

Мир чуть не переворачивается.

Он сказал это вслух.

Так, чтобы было слышно всем.

И ей.

И мне.

И, наверное, даже небесам.

— Спасибо, что выслушал... — её голос совсем тонкий, как ниточка. — И... как бы то не было, я верю, что для своего ребенка ты будешь хорошим отцом. Пусть и на расстоянии.

Щёлк.

Щёлкает что-то внутри меня.

Я даже не знаю — злость это, отчаяние или омерзение.

Но всё в груди стягивает. До боли. До горечи.

Он такой же, как был.

Нет — хуже.

Он даже не притворяется теперь.

Он просто есть таким.

Без маски. Без фильтров. Без совести.

И я больше не сомневаюсь.

Это его ребёнок.

И он — чудовище.

Дорогие читатели, приглашаю вас в новинку нашего лит-моба от Евы Стоун

Вернуть жену, когда уже поздно

ссылка: <https://litnet.com/shrt/PgPD>

Аннотация: — Я решил, что мне нужен развод и свобода от этого брака еще несколько месяцев назад.

— Погоди, стой, Рома. То есть, — ловлю кончиком языка сбегаящие по губам горячие слезы, — то есть ты несколько месяцев только делал вид, что у нас все хорошо, а сам хотел...

— Развода. Да. Но не хотел, чтобы ты расстраивалась и поэтому тянул.

— Кто она?

— Не понимаю вопроса, — муж на мою провокацию никак не реагирует.

— Я спрашиваю, кто она, Рома. Разве так тяжело ответить? Ты не сможешь вечно скрывать от меня личность той, что ждет тебя за воротами нашего брака.

— Ты права. Шило в мешке не утаишь, — рассуждает он и замолкает.

— И?

— Этого шила нет. Я ухожу не к кому-то, Амалия, хотя понимаю, что в такое легче поверить. Я ухожу от тебя, — делает акцент на последних словах он. — И только не унижайся, спрашивая меня, почему.

Глава 8

Рая

Утро продолжилось без крика.

Без шума, дери и мыслей о нем.

Я выдавила из тюбика крем с лёгким SPF, заварила зелёный чай с лимоном и села красить ресницы перед зеркалом.

Странно... но внутри впервые за несколько дней было чуть тише. Не спокойно — нет.

Просто тише.

Я собираюсь и еду в ресторан.

С окнами во двор, где лето пахнет не клубами и брошенными женщинами, а тёплой выпечкой с розмарином, мокрым базиликом в ящичках у окна и звоном бокалов по стеклянным столам.

Я — маркетолог.

И я люблю свою работу.

— Рая, привет! — улыбается мне менеджер смены, — шеф ждал тебя. Фото новой пасты не залетели, а с тар-таром вообще беда, говорит, не сочный.

Я киваю, захожу на кухню, щёлкаю фото: на свежей доске тартар, капля соуса, чуть в сторону — багетная крошка. Фон размыт.

Сразу в Instagram. Придумываю текст — лёгкий, как лето: «Нот, кто не пробовал наш тартар с лаймом, тот не познал

наслаждение».

Запускаю рекламу — думаю скоро вечером будет аншлаг.
Вижу это по охватам этого места.

После — листаю отчёты, сверяю акции, переписываюсь с подрядчиками. У нас скоро фотосессия с живой музыкой, надо согласовать визит саксофониста, а ещё — утвердить обложку нового летнего меню.

Работа вытягивает.

И в этом все наслаждение: никто не говорит тебе, что ты "слишком чувствительная", никто не швыряет слова, как грязь, и никто не делает вид, что тебя не существует.

Я существую.

У меня здесь уважение.

У меня здесь имя.

На обеде я не ем — заказываю себе капучино, сажусь у окна и просто смотрю на прохожих. Вижу семью — мама, папа и девочка в розовом комбинезоне. И где-то в глубине... да, что-то сжимается.

Но уже не так сильно.

В голове всплывает:

«Не стоит портить отношения. Ни с соседями. Ни с собой. Ни с жизнью».

Хватит сверлить.

Хватит мстить.

Хватит лелеять в себе злость, как кактус, который сам и колет.

Прошлое... оно не исправится.

Но и не обязано меня душить.

Я не позволю ему больше.

Пусть он там делает, что хочет.

После ресторана возвращаться домой сразу не захотелось.

Ну и правда — куда спешить?

В квартире всё прибрано, проснуться рано было не такой уж плохой “идей”.

Киры пока нет, мама обещала привезти её к ужину. А мне не хотелось возвращаться в пустые стены.

Я свернула в сторону парка.

Парк — это было моё место силы ещё со времён колледжа.

Когда училась, он был через дорогу.

После пар — прямо сюда.

На скамейку у пруда, с пирожком из ларька и чаем в картонном стаканчике.

И всегда — кормить уток.

Я тогда ходила сюда одна, думала о будущем, сочиняла в голове рекламные тексты, выучивала лекции. А ещё — мечтала.

О том, какой у меня будет мужчина, какой дом, какой ребёнок.

Теперь вот...

Мужчины нет. Дом есть.

Ребёнок — самое настоящее чудо.

Сбылись не все мечты, но какие-то — да.

А это ведь уже немало.

Я подошла к автомату с кормом.

Он старенький, крашенный, с облезлой наклейкой, но по-прежнему работал.

Бросила туда пару монет. Глухой стук, и мне в ладонь высыпалась тёплая порция сухих шариков.

Запах был странный — рыбный, но уткам, похоже, нравилось.

— Ну что, мои хорошие, обед по расписанию? — прошептала я и рассыпала горсть у кромки воды.

Пара вечно голодных уток уже подплывала, громко плюхаясь по глади.

За ними — мелкие, пухлые, с желтоватыми спинками, как ватные шарики на ножках.

Моя любимая — белая утка с кривой лапкой — тоже была тут. Я её заметила ещё в прошлом году, и каждый раз, когда видела, радовалась как ребёнок.

Я кидала корм и с каждой брошенной горсткой внутри будто разматывался узел.

Неспешно. Мягко.

День словно разворачивался в ладонях, как лён под солнцем.

Наблюдая за пернатыми, я ловила себя на мысли, что именно в такие моменты — с кормом в руке, с ветром в волосах и подрагивающей водой у ног — я снова чувствую себя... живой.

Не просто мамой. Не просто сотрудницей, соседкой, бывшей женой.

А собой.

Девчонкой, которая любила сидеть тут с пирожком и мечтами.

Я присела на лавку. Под спиной — знакомая шершавость старой краски.

Солнце пригрело щеку.

И вдруг стало так... по-доброму спокойно.

— Вечером мама привезёт Киру, — прошептала я сама себе, — Надо что-то вкусенькое приготовить...

Встала.

Пора и в магазин.

Пока шла по аллее, думала:

Вот и пусть сверлит, пусть хамит, пусть хоть в стену головой бьётся. А у меня всё будет хорошо. Я на его игры больше не поведусь.

Магазин возле дома, хоть и небольшой, но мне всегда нравился.

Там пахло чем-то хлебным, сладким и чуть влажным — как в булочной.

Тепло, уютно, даже кассирши не те, что в супермаркетах — улыбаются, здороваются по-настоящему.

Я сюда ходила уже несколько раз когда еще просто Киру в сад водила и вот вчера.

Сегодня корзинка наполнялась как-то особенно заботли-

во.

Я наклонилась к полке с детскими пюре: яблоко — точно, Кира любит. Тыква — спорно, но если под настроение.

С кроликом — возьму, вдруг опять скажет, что «вкус как у облачка».

Йогурты, сырки, сок с трубочкой. Мармелад в форме зверушек.

Беру больше, чем планировала. Потому что она скоро вернётся от бабушки, и я хочу быть готова.

Иду к полке с макаронами, привычно тянусь за пачкой в форме бантиков — Кира делает из них короны и кормит своих кукол.

И тут — ощущение, будто кто-то прожёл взглядом затылок.

Я медленно поворачиваю голову.

Он.

Анвар.

Стоит между полками. Без тележки, без корзины.

Руки в карманах, поза расслабленная, но взгляд цепкий.

Такой знакомый. До мурашек.

— Живешь тут, что ли? — спрашивает спокойно.

Даже можно сказать буднично.

Я моргаю, чувствуя, как изнутри поднимается то ли злость, то ли усталость, то ли смесь всего вместе.

— Для начала: здравствуй. И... какая тебе разница?

Он ухмыляется, чуть щурясь.

— Ну, может, мы теперь соседи. За солью зайти...

Слова врезаются, будто кто-то неудачно шутит, совсем не чувствуя границ.

Я выпрямляюсь, разворачиваюсь к нему почти вполоборота.

— Ты в магазине тут и купи. Чтобы не бегать, — бросаю, и иду дальше, не оглядываясь.

Совсем из ума вышел. Соль может сошрывать с моих ран, ту самую, которую сам насыпал.

Я слышу, как он молчит. Да. Именно слышу.

Он не зовёт.

Не делает ни шага.

Даже не интересуется — как наша дочь. Хоть его взгляд на мою корзину с вкусняшками для нее явно был опущен.

Ему все равно как я.

На его лице ни одна мышца не дрогнула.

Словно он и не знал нас никогда.

Ни меня. Ни Киру.

Я подхожу к кассе, выкладываю продукты.

Йогурт чуть выскальзывает из руки — пальцы подрагивают.

Молча сгребая всё в сумку. Сердце стучит как будто с переборами: то резко, то с паузой.

На улице душно, солнце низко, и мне вдруг кажется, что день резко посерел.

Не от жары.

От него.

Иду по дорожке обратно, и каждая мысль — как наждачкой по коже:

Почему я опять что-то жду?

Почему этот человек до сих пор может так больно?

Ведь он уже всё сделал. Он ушёл.

Он предал. Он не спросил даже — как у дочери дела.

Сколько можно?

Пока поднимаюсь в лифте, уже точно знаю: всё.

Я больше не надеюсь. Не думаю о нём, как о человеке, который может что-то понять.

Я живу свою жизнь.

Для себя.

Для Киры.

А его — пусть не будет ни в одной нашей сказке перед сном.

Дорогие читатели, а пока приглашаю в эмоциональную историю нашего литмоба от Марии Владыкиной

Вернуть жену. Развод еще не конец

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/PyVQ>

Аннотация:

– У тебя кто-то появился? - голос дрожал, но я всё же спросила.

– Нет. У меня никого нет. - Ответил, не задумываясь. - Но это и не важно. Важно то, что я больше тебя не люблю.

Так заканчиваются браки. Не криком, а тишиной. Оглушающей.

Он ушёл. Я осталась с дочерью, одиночеством и бесконечными «почему».

А уже через несколько недель он целовал другую перед зданием суда, прямо в день нашего развода.

Я думала это конец. Но некоторые истории упрямо не хотят заканчиваться. Даже если финал уже был написан.

Глава 9

Рая

Выпускной. Одиннадцатый класс.

Ночь, весна, звезды, куча смеха и слёз, а я — вся такая нарядная, на каблуках, с причёской, которую мне мама крутила с восьми утра. Платье персиковое, лёгкое, как зефир, только я в нём чувствовала себя немного розовым бегемотиком на тоненьких ножках.

Но ведь главное — мечты, правда?

Я тогда была уверена, что эта ночь будет особенной. Ну, прям по всем канонам фильмов: красивые фото, медляк под фонарями, кто-то признаётся в любви... Ну или хотя бы скажет: «Ты сегодня самая красивая».

Я очень этого ждала. Честно.

Мы с девочками как раз шли по аллее у школы, хохотали, фоткались, ели клубнику из пластиковых бокалов и строили планы на жизнь.

Я старательно держала край платья, чтобы не испачкать — всё-таки зефиром быть легко, а вот зефиром в грязи — уже не то.

И вот на тебе.

Каблук — предатель.

Просто взял и щёлкнул.

Я даже не поняла, как оказалась на асфальте — с раздран-

ной коленкой, в платье, которое закрутилось на бёдрах, и с туфлей, лежащей где-то сбоку.

— Рая, ну ты как всегда, — приснула одна из подруг.

А я сидела, сжимая губы, и почувствовала, как слеза катится по щеке.

Вот прям по-настоящему — как в кино, только без музыки и без режиссёра, который скажет "стоп, переснимаем".

Я всхлипнула.

Тушь, наверное, уже была где-то в районе подбородка.

Колено горело.

Платье порвалось.

И хочется не вставать, а прямо тут лечь и исчезнуть. Как так то...

И тут резко — бац. Свет фар.

Подъезжает машина. Иномарка, чёрная и окно опускается, там силуэт и вдруг голос. Мужской.

— Что ж ты так?..

Я подняла голову.

Сил никаких не было, но я подняла.

И увидела парня в машине. Тёмные волосы, серьёзный взгляд. Не смеётся. Просто смотрит.

Не ехидно. Не с насмешкой.

Скорее... растерянно.

И мне вдруг стало ещё хуже.

Потому что даже он — незнакомец в машине — смотрит на меня с вопросом, типа: «Ну почему ты опять всё уронила,

Рая?».

А я?

Я вот такая.

То туфля, то тушь, то выпускной — и всё мимо.

Так мы и встретились впервые.

Я — на земле, с коленкой в крови.

Он — в машине, с приподнятыми бровями.

И эта фраза — «Что ж ты так...» — останется со мной навсегда.

— Девочки, я не поеду, — упрямо буркнула я, когда тот самый парень остановился у тротуара, открыл дверь и кивнул нам:

— Подвезти вас?

Я сидела на лавке, коленка саднила, настроение — в минус пятьдесят, платье всё так же уныло топорщилось сбоку.

Но девочки... ой, девочки!

— Рая, ты чего? Он нормальный! — шептала Дина, хихикая. — Ты его видела? Это ж прям подарок судьбы!

— Да поехали, всё равно такси не дозвониться, — поддакнула Алина. — А ты с твоей ногой до дома не дойдёшь. Он же тебе помог встать, не сожрёт ведь!

А я сидела и смотрела на него.

Он стоял, облокотившись на открытую дверцу машины, и смотрел прямо на меня.

Не улыбался широко, не подмигивал, не строил из себя кого-то. Просто стоял. Ждал.

Как будто знал, что я сомневаюсь.

Мы всё-таки сели. Втроём. На заднее сиденье.

Он включил музыку негромко, улицы проносились за окнами, девочки хихикали, а я молчала и старалась не встречаться с ним взглядом в зеркале.

Руки в кулачки, туфелька — рядом. Я по-прежнему чувствовала себя клоуном на балу. Только теперь ещё и клоуном в автомобиле какого-то незнакомца.

Доехали быстро. Он остановился у моего подъезда, девочки выскочили первыми, сказали:

— Мы отойдем, а ты посиди, отдышись!

Подруги. Конечно. Убежали к соседнему двору, а я осталась на лавке, рядом с его машиной, будто прилипла.

И он вдруг подошёл. Присел на корточки рядом.

— Ты не боишься, что я маньяк? — спросил я тогда сама себя в голове, но вслух промолчала.

А он посмотрел на меня так... как-то чуть-чуть наклонился вперёд, и я вдруг поняла, насколько он близко..

— Не хочешь переобуться и поехать продолжить свой выпускной? — мягко предложил этот кареглазый, — Я подвезу.

— Я... я тебя совсем не знаю, — пробормотала я, — Чтобы снова садиться к тебе в машину.

Он усмехнулся и протянул руку:

— Анвар Хайруллин. Мне двадцать четыре. Живу недалеко. Не женат, детей нет, в отношениях не состою. Увидел

сегодня красивую девушку и не смог оставить её в беде.

Пауза.

— Я ведь джентльмен.

Эти слова прозвучали так, как будто он каждый день спасает девушек в зефирных платьях с разорванными коленками.

А я...

Я смутилась.

Ну, так, по полной. Сразу вспыхнули уши, щеки стали гореть, губы затряслись от желания улыбнуться, но я держалась.

Ну, типа, взрослая.

А внутри — все сжалось в тугую струну.

— Рая, — прошептала я и протянула руку, — Просто Рая.

И всё.

Он не сжал мою ладонь, просто отпустил её — будто принял к сведению.

Улыбнулся краешком губ.

— Значит, Рая. Поедем?

Я кивнула. Хотя сердце уже где-то в районе пяток.

Что я делаю вообще? Мама же сто раз говорила: «В машину к незнакомцам — ни-ни!»

А тут...

Переобулась я быстро — в свои белые кроссовки, натянула джинсы, хоть и жалко было выпускное платье, но оно всё равно уже не спасало. В зеркало посмотрела и хмыкнула: ну

хоть на красивую девушку похожа теперь.

На улице уже темнело, фонари кидали жёлтые пятна на асфальт. Девчонки у подъезда меня дождались, встретили с восторгом — мол, ну ты даёшь, «падение года», — хохотали, подталкивали, а я делала вид, что мне тоже смешно.

А Анвар...

Он так и был с нами весь вечер.

Не лез, не строил из себя кавалера — просто поехал с нами.

Говорил с моей Лерой про футбол, держал бутылку воды, когда я руками показывала, как чуть не врезалась в сцену. Он всё время как бы между делом бросал на меня взгляды.

А когда я решила встать и найти уборную даже подшутил: — Только не споткнись, Золушка.

К концу вечера я уже ловила себя на том, что оглядываюсь. Проверяю, идёт ли за мной. Смотрит ли.

А он смотрел.

Потом — номер. Просто спросил.

— Напишу, узнать, как ты?

— Пиши, — выдохнула я.

Не кокетливо. Просто как было.

И он написал.

На следующий день. Потом еще день. Третий.

«Доброе утро. Ты только проснулась или уже споткнулась?» — и я, черт возьми, громко засмеялась.

Прямо с чаем во рту. Потом он прислал фото своей руки с

отпечатком от руля — мол, жара, как в аду, бегаю весь день по делам, но думаю о вчерашнем.

Я пряталась под одеялом, как самая маленькая девочка.
Улыбалась в подушку.

Щёки горели.

И да, бабочки.

Господи, эти дурацкие, щекочущие бабочки в животе, которые не знают, что три дня — это ещё не повод.

Что одна встреча — это еще не любовь. Что он может вообще завтра не написать.

Но пока он писал.

А я жила в этих сообщениях.

Он рассказывал, что у него за день, какие чудачки приходили в универ, как он устал от душного метро и что подумывает сбежать в горы.

Я отвечала коротко. Немного сдержанно.

Делала вид, что ничего особенного.

Но внутри...

О, внутри всё уже началось.

И страшно было признаться даже самой себе:

Кажется, я влюбляюсь.

Глава 10

Рая

Я иду к подъезду, таща два тяжёлых пакета.

Один с макаронами, соком и какими-то вкусняшками для Киры, второй — с яблоками, молоком, творожками.

Всё в руках тянет вниз, пальцы белеют, но упрямо несу.

Жара вымотала, настроение — ноль, зато впереди вечер с дочкой, а это как глоток воздуха.

И вдруг — голос за спиной:

— Дверь придержу.

Я вздрагиваю так, что чуть не выронила пакет. Оборачиваюсь.

Анвар.

Чёрт бы тебя побрал. Стоит, будто ничего не произошло. Рубашка расстёгнута на пару пуговиц, на голове кепка, будто бы только с тренировки. В глазах — дежурная полуулыбка. Как обычно, ничего нового.

— Так всё-таки соседи, значит?

Говорит легко, даже насмешливо. Как будто это нормально. Как будто мы с ним случайно встретились на даче и обсуждаем, у кого редиска лучше возшла.

— Соседи, — бросаю я холодно, не глядя, — Но это не имеет никакого значения.

Прохожу в подъезд первой. От запаха — пыль, жар, чуть-

чуть табака и соседских котлет — мутит сильнее, чем от него. Хотя нет, от него мутит всё-таки больше.

Он идёт за мной. Шаг в шаг.

Бесит. Я нажимаю кнопку лифта. Он — рядом. Чувствую его кожей, спиной, дыханием. Улыбка у него всё та же — наглая, словно он осуждает каждое мое действие. Как будто мы бывшие одноклассники, которые давно не виделись, а не бывшие муж и жена.

Когда двери открываются, я вхожу. Он заходит следом.

Лифт медленно начинает ползти вверх.

Тесно. Душно. Давит его присутствие.

Я нажимаю этаж — на один ниже своего. Пусть лучше пройду по лестнице, чем покажу ему, что мы живём через стену.

Лучше пусть думает, что я просто мимо проходила. Лучше пусть вообще ничего не думает. Пусть исчезнет уже, екарный бабай.

Он стоит рядом, слишком близко. Даже не впритык, но этого достаточно. Я чувствую, как напряжены мои плечи. Спина — как пружина. Не дышу. Не хочу дышать им.

Тем самым резким парфюмом, который, кстати, я ему на день рождения и дарила.

Он смотрит на меня. Я вижу это боковым зрением, глазами даже не двигаю, но ощущаю — взгляд скользит по мне.

С головы до ног. По лицу, по футболке, по рукам, зажимающим ручки пакетов. Потом — по пакетам. Потом — снова

наверх.

Пауза.

— Как дела у твоей дочери?

Секунда тишины.

— У моей?

Я поворачиваю голову. Лицо — как в плоть.

Что?

— У твоей, — повторяет он, после хмурит брови, словно это я не права.

Мир в эту секунду трескается внутри меня, как тонкий лёд.

Всё, что было хрупким — падает. Он не сказал «у нашей». Он даже не вспомнил имя. Не попытался.

Просто — чужая.

У твоей.

Как будто я её от кого-то ещё родила. Как будто он тут вообще ни при чём.

Как будто её не было. Как будто меня не было.

Я сглатываю.

— Всё прекрасно, — выдавливаю из себя насильно, — Она счастлива. Её любят.

Лифт замедляется. Останавливается. Я выхожу, не глядя. Он остаётся. Но прежде чем двери закрываются, слышу:

— Ну и отлично.

Секунда. Щёлк. Тишина.

Я стою на лестнице с пакетами в руках и колотящимся

сердцем. Потом начинаю подниматься. Пакеты жгут ладони, но я не останавливаюсь.

Как он может быть таким холодным?

Как он может не помнить её глаза?

Как он может стоять рядом — и даже не попытаться... ничего? Человек, с которым я делила кровать, мечты, жизнь. С которым, чёрт возьми, Кира появилась на свет.

Мне хочется закричать. Не от боли. От ярости. От того, что в этом лифте я вдруг снова почувствовала себя той самой Раей, которая сидела на лавке с разбитым коленом. И думала, что встретила героя.

"У твоей дочери".

Словно это вообще не его дело.

Я поворачиваю ключ, захожу в квартиру, прикрываю за собой дверь и просто прислоняюсь к ней спиной. Грудь ходит ходуном.

В горле ком. Но плакать я не буду.

Хотя... поздно думать, уже.

Слёзы текут сами.

Я бросаю пакеты на кухню и машинально начинаю всё разбирать. Трясущимися руками ставлю йогурты в дверцу холодильника, пюрешки складываю в контейнер, яблоки укладываю в миску — одну роняю, она катится под стол, но я не бегу за ней. Я просто замираю.

— Он что, правда считает, что это не его ребёнок?.. — шепчу я в пустоту.

Никто не отвечает. Только холодильник гудит в углу, как будто соглашается: да, Рая, ты не ошиблась. Он это вслух сказал. Он это имел в виду.

Неужели он правда решил откреститься от всех детей, которых понаделал? Или только от нашей Киры?

Меня прошибает волной злости и боли одновременно. Словно холодной водой по щекам — снова и снова.

Я опираюсь руками о край раковины и закрываю глаза.
— Он вообще думал, что я рожу и забуду? Что ребёнок исчезнет? Что можно исчезнуть из жизни, как из бара выйти? Просто хлопнуть дверью?

А может, мне сделать ему тест? ДНК. Пусть посмотрит, пусть сдаст, пусть убедится, что не с потолка она взялась.

Но следом в голове: Рая, ты что, с ума сошла? Не унижайся.

Не ползи. Он не достоин ни слёз, ни доказательств, ни твоей боли.

С чего он вообще это взял, что может себе позволить сомневаться?

А вдруг... вдруг это и есть причина, по которой он ушёл тогда, полтора года назад?

Просто решил, что это не его — и всё? Без слов. Без прощаний. Без попытки что-то понять?

Бред.

Сама себе сжимаю запястье, как будто могу этим остановить внутреннюю бурю.

Бред, Рая.

Ушёл — и слава Богу.

Бесчувственное чудовище. И в жизни моей дочери ему нет места.

Точка.

Пусть другую ему родят. Пусть кого-нибудь, кто согласится на его пофигизм и "у твоей дочери".

Пусть оплодотворяет дальше. В этом у него, похоже, действительно отлично получается.

А я... я просто достаю оставшуюся банку с зелёным горошком и ставлю в шкаф. Щёлк.

Дорогие читатели, сегодня приглашаю в новинку нашего литмоба

от Чарли Ви "Вернуть жену. Даже не пытайся"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/P7ae>

Аннотация: Я не планировала эту встречу. Не думала, что спустя семь лет увижу его именно здесь – у бассейна фешенебельного отеля, где он лежал на шезлонге, а его новая пассия, томно растягивая слова, звала его: «Пусик, иди ко мне!»

Когда-то я готова была свернуть горы ради этого человека. Любила его безумно, жертвовала собой, терпела его колкости о моей «неидеальной» фигуре. А он... променял меня на свою первую любовь.

Тогда я сломалась. Но – собралась. Изменилась и внеш-

не и внутренне. Открыла своё дело, научилась гордиться собой, принимать комплименты и ловить восхищенные взгляды мужчин.

И вот он здесь.

Мой бывший муж.

Его взгляд скользит по мне — удивленный, оценивающий. Раньше я бы сгорела от стыда и чувствовала себя неловко. Но теперь я медленно снимаю парео, прохожу мимо с высоко поднятой головой и вхожу в воду, не удостоив его взглядом.

Пусть теперь он почувствует, каково это — быть ненужным.

Глава 11

Рая

Выпускной. Одиннадцатый класс.

Ночь, весна, звезды, куча смеха и слёз, а я — вся такая нарядная, на каблуках, с причёской, которую мне мама крутила с восьми утра. Платье персиковое, лёгкое, как зефир, только я в нём чувствовала себя немного розовым бегемотиком на тоненьких ножках.

Но ведь главное — мечты, правда?

Я тогда была уверена, что эта ночь будет особенной. Ну, прям по всем канонам фильмов: красивые фото, медляк под фонарями, кто-то признаётся в любви... Ну или хотя бы скажет: «Ты сегодня самая красивая».

Я очень этого ждала. Честно.

Мы с девочками как раз шли по аллее у школы, хохотали, фоткались, ели клубнику из пластиковых бокалов и строили планы на жизнь.

Я старательно держала край платья, чтобы не испачкать — всё-таки зефиром быть легко, а вот зефиром в грязи — уже не то.

И вот на тебе.

Каблук — предатель.

Просто взял и щёлкнул.

Я даже не поняла, как оказалась на асфальте — с раздран-

ной коленкой, в платье, которое закрутилось на бёдрах, и с туфлей, лежащей где-то сбоку.

— Рая, ну ты как всегда, — приснула одна из подруг.

А я сидела, сжимая губы, и почувствовала, как слеза катится по щеке.

Вот прям по-настоящему — как в кино, только без музыки и без режиссёра, который скажет "стоп, переснимаем".

Я всхлипнула.

Тушь, наверное, уже была где-то в районе подбородка.

Колено горело.

Платье порвалось.

И хочется не вставать, а прямо тут лечь и исчезнуть. Как так то...

И тут резко — бац. Свет фар.

Подъезжает машина. Иномарка, чёрная и окно опускается, там силуэт и вдруг голос. Мужской.

— Что ж ты так?..

Я подняла голову.

Сил никаких не было, но я подняла.

И увидела парня в машине. Тёмные волосы, серьёзный взгляд. Не смеётся. Просто смотрит.

Не ехидно. Не с насмешкой.

Скорее... растерянно.

И мне вдруг стало ещё хуже.

Потому что даже он — незнакомец в машине — смотрит на меня с вопросом, типа: «Ну почему ты опять всё уронила,

Рая?».

А я?

Я вот такая.

То туфля, то тушь, то выпускной — и всё мимо.

Так мы и встретились впервые.

Я — на земле, с коленкой в крови.

Он — в машине, с приподнятыми бровями.

И эта фраза — «Что ж ты так...» — останется со мной навсегда.

— Девочки, я не поеду, — упрямо буркнула я, когда тот самый парень остановился у тротуара, открыл дверь и кивнул нам:

— Подвезти вас?

Я сидела на лавке, коленка саднила, настроение — в минус пятьдесят, платье всё так же уныло топорщилось сбоку.

Но девочки... ой, девочки!

— Рая, ты чего? Он нормальный! — шептала Дина, хихикая. — Ты его видела? Это ж прям подарок судьбы!

— Да поехали, всё равно такси не дозвониться, — поддакнула Алина. — А ты с твоей ногой до дома не дойдёшь. Он же тебе помог встать, не сожрёт ведь!

А я сидела и смотрела на него.

Он стоял, облокотившись на открытую дверцу машины, и смотрел прямо на меня.

Не улыбался широко, не подмигивал, не строил из себя кого-то. Просто стоял. Ждал.

Как будто знал, что я сомневаюсь.

Мы всё-таки сели. Втроём. На заднее сиденье.

Он включил музыку негромко, улицы проносились за окнами, девочки хихикали, а я молчала и старалась не встречаться с ним взглядом в зеркале.

Руки в кулачки, туфелька — рядом. Я по-прежнему чувствовала себя клоуном на балу. Только теперь ещё и клоуном в автомобиле какого-то незнакомца.

Доехали быстро. Он остановился у моего подъезда, девочки выскочили первыми, сказали:

— Мы отойдем, а ты посиди, отдышись!

Подруги. Конечно. Убежали к соседнему двору, а я осталась на лавке, рядом с его машиной, будто прилипла.

И он вдруг подошёл. Присел на корточки рядом.

— Ты не боишься, что я маньяк? — спросил я тогда сама себя в голове, но вслух промолчала.

А он посмотрел на меня так... как-то чуть-чуть наклонился вперёд, и я вдруг поняла, насколько он близко..

— Не хочешь переобуться и поехать продолжить свой выпускной? — мягко предложил этот кареглазый, — Я подвезу.

— Я... я тебя совсем не знаю, — пробормотала я, — Чтобы снова садиться к тебе в машину.

Он усмехнулся и протянул руку:

— Анвар Хайруллин. Мне двадцать четыре. Живу недалеко. Не женат, детей нет, в отношениях не состою. Увидел

сегодня красивую девушку и не смог оставить её в беде.

Пауза.

— Я ведь джентльмен.

Глава 12

Рая

Утро пахнет кофейной гущей и детским шампунем.

Кира сидит на табуретке, качает ногами и рассказывает, что во сне была космонавтом, летала на планете, где всё из зефира.

Я киваю, завязываю ей косички, вплетаю тонкие розовые ленточки в ее белокурые волосы.

Она смеётся, когда я специально делаю "пум" на макушке. Моя малышка, моя беззаботная девочка.

— Сегодня у вас утренняя, — напоминаю, поправляя воротник её сарафана. — Так что води себя, как настоящая принцесса.

— А можно как космонавт?

— Космонавты тоже бывают принцессами, — улыбаюсь я, поправляя ее воротник.

Мы выходим из квартиры.

Пакет с фруктами в одной руке, в другой — её ладошка.

Я ещё не вижу его, но где-то внутри чувствую — он тут.

И, конечно, когда дверь лифта открывается, он выходит.

Анвар.

В спортивке, с ключами в руке, волосы растрёпаны. Останавливается, смотрит прямо на нас. На меня — коротко, на Киру — дольше. Слишком дольше.

— Привет, красавица, — ухмыляется он, присев перед ней на колени, — Как тебя зовут?

Словно не знает.

Словно мы с ним никогда не говорили о её имени, не выбирали его, не спорили, кто будет крестным, не держали её вместе в роддоме.

— Кира, — отвечает она, чуть стесняясь, но с интересом.

Дети всегда тянутся к вниманию взрослых, даже если эти взрослые — те, кого им не стоит знать.

— Ты в садик идешь? — продолжает он, будто с чужим ребёнком на детской площадке.

Я сжимаю её ладонь крепче.

— Не твоя — не трогай, — произношу тихо, но так, что он точно слышит.

Он приподнимает бровь.

— Серьёзно? Это что, теперь так?

— Это всегда было так, — отрезаю я в порыве злости, — Просто ты решил иначе.

В груди дрожь, колени будто налились свинцом.

Я не хочу устраивать сцену при Кире, но и проглотить это не могу.

Он выпрямляется, смотрит на меня с этой своей полуухмылкой, которую я когда-то считала привлекательной, а теперь вижу только как издёвку.

И эта издевка раздражает меня. Как и он весь сам.

— Да ладно тебе, Рая. Она же ребёнок, что я такого сказал?

— Ты говорил так, будто она чужая. И да, для тебя она чужая, раз ты сам выбрал так.

— Может, ещё посмотрим, — бросает он, улыбаясь дочери, — Может, ещё окажется, что не такая уж и чужая.

— Может, — повторяю я, чувствуя, как внутри всё сжимается, — но до того дня держи свои разговоры при себе.

Кира тянет меня за руку, не понимая, почему я говорю так сухо.

— Мам, мы опоздаем.

Я киваю, поворачиваюсь и увожу её к двери подъезда.

Спина чувствует его взгляд.

Как будто он всё ещё имеет право на нас. Но нет. Это не

так. Не имеет.

Мы идём по двору, и только за углом я отпускаю её руку, чтобы поправить пакет.

Сердце колотится, как после бега в гору.

Я всегда думала, что когда встречу его, я буду готова.

Что я скажу что-то достойное, холодное, сдержанное.

Но на деле это — как получить кулаком в живот.

Ты сгибаешься, но стараешься не показать, что тебе больно.

В садике воспитательница здоровается, принимает фрукты.

Кира бежит в группу, оборачивается и машет мне рукой.

Я улыбаюсь ей так, будто всё в порядке. Пытаюсь быть хорошей актрисой, хотя злость и отчаяние берут надо мной вверх.

Только когда выхожу обратно на улицу, понимаю — руки дрожат.

В голове шумит одна фраза: *"Не твоя — не трогай"*.

Я сказала это ему. ё

Но, кажется, в первую очередь — себе. Чтобы не забыть.

Чтобы не поддаться.

Чтобы помнить: бесчувственному человеку не место в жизни моей дочери.

Пусть он там ухмыляется, думает, что у него есть рычаги.
Нет у него ничего.

Кроме пустых слов и воспоминаний, которые уже ничего не значат.

Я ещё стою у вешалки, поправляю косички и ленточки на спинке стула, когда боковым зрением замечаю мужчину с ребёнком.

Взгляд — на секунду. И всё.

Сердце словно щёлкнуло: что-то знакомое.

— Рая?

Я поворачиваюсь и замираю.

— Артём? Ты... серьёзно, это ты?

Он улыбается, разводит руками от недоумения.

— Я, — кивает он, перехватывая ладошку мальчика лет четырёх, — какая встреча! Сколько лет, сколько зим!

— Ты как тут? — вопрос глупый, но я его задаю.

— Вот сына отвёл, теперь можно и на работу ехать. А ты я вижу тоже с дочкой.

Мы разговариваем еще пару минут, может даже десять, я так рада, так шокирована, что не замечаю ход времени.

— Вот и решили переехать в район в этот, удобно.

— Ничего себе! — я улыбаюсь и киваю, — Какие вы молодцы! Рада за тебя, честно. Я помню твою свадьбу, вы такая классная семья.

Он чуть усмехается, а потом, как будто запнувшись, опус-

кает глаза на своего сына, который уже бежит к воспитательнице.

— Да... не совсем семья, — произносит он после паузы, — Один воспитываю. Жена погибла год назад.

Мир на секунду словно затихает.

Слова падают прямо в грудь, оставляя в ней тяжёлый след.

— Артём... прости, я... — я не знаю, что сказать. Всё, что приходит на ум, кажется совсем неуместным, — Мне очень жаль.

— Да, — он отводит взгляд куда-то в сторону, — Бывает. Живём. Пытаюсь как-то вывозить. Книги читаю, видео смотрю... «Как воспитывать ребёнка», «Как разговаривать с детьми», «Ошибки отцов» — весь этот набор. Иногда думаешь, что всё понял, а потом он с утра начинает плакать, потому что каша не та, и понимаешь: ну, всё, завал.

Я смеюсь — тихо, не над ним, а вместе.

Потому что понимаю. Родительская работа - самая сложная в мире.

— Ты справишься, — мне хочется его обнять, не представляю какого это отцу растить ребенка одному, — Ты же всегда был... ну, знаешь, такой, хороший и надежный.

— Надёжный... — он чуть улыбается, но в глазах всё равно усталость, — Стараюсь. Мы, кстати, теперь живём через улицу, в доме напротив парка.

— Серьёзно? Получается, мы почти соседи.

Честно? Я рада отвлечься головой в этом разговоре быв-

ших одноклассников.

— Почти, — кивает он, — Я тебя, кстати, в этом районе раньше не видел.

— Недавно тоже переехали, — отвечаю я, сжимая в руках свои ключи, — Тоже ближе к саду, чтобы Кире было удобно.

— Понятно. Ну, если что, можешь обращаться. Я хоть и один, но иногда могу кого-то подхватить, помочь... или просто пообщаться.

— Спасибо, Артём, — я улыбаюсь шире, чем планировала, — Честно. Не каждый день встретишь кого-то из школьных времён... да ещё и рядом.

— Ну так, может, теперь будем видеться чаще, — он чуть приподнимает бровь, — Ты ведь не исчезаешь сразу после садика?

— Иногда исчезаю, — я шучу, — Но для старых друзей, наверное, можно сделать исключение.

Мы прощаемся у дверей, он подходит к сыну, так на него похожему, а я ещё стою и смотрю, как он поправляет ему кепку, что-то тихо говорит.

И понимаю, что вот он — контраст.

Прямо перед глазами.

Мужчина, который не отмахивается, не исчезает.

И от этой мысли становится одновременно тепло и немного грустно.

Глава 13

Анвар

— Я тебе говорю, Илюха, вот просто на хрен не пойму, — шиплю я в бокал с вискарём, — какого хера она там оказалась? В этом доме. В этом подъезде. В этом лифте со своими пакетами, и глазами, будто я у неё жизнь украл.

Добронравов, Гном, ухмыляется да и только.

Он, сука, как всегда, спокойный, сидит, сжимает бокал с вискарём, глядит куда-то мимо.

С виду — такой себе ботаник в очках, но я-то знаю, как он выковыривает инфу из людей без щипцов и паяльника.

— Может, судьба, брат, — бурчит он, — Ты же сам говорил, что жить там удобно, под прикрытием, близко к управе. Не ты к ней приперся, она к тебе.

— Ага, судьба, — усмехаюсь зло, — Она мне не судьба, понял? Она ошибка. Я ушёл — всё, до свидания. Зачем тянуть резину, если у нас — работа. А у неё сопли по колено, фоточки дочечки, обрыганный фартук и вечные просьбы ее обнять. Бабий бред. Не надо мне это?

Гном не отвечает. Медленно кивает.

Я знаю, он не верит.

Он всегда знал, что я врал ей, когда говорил, что не люблю. И себе врал. Но, блядь, я не могу по-другому.

— Ты думаешь, она за тобой следит? — спрашивает он

после паузы.

— Думаю. Или по дурости приехала, или кто-то ей подсказал. Она упрямая, как танк. Я ей когда-то по пьяни сказал, что влюбился — она месяц пекла мне пироги и мечтала о свадьбе. Я только тогда понял, насколько это всё бесполезно. Чувства, блядь.

— А ты что? Не мечтал?

— Я мечтал, чтоб нас не слили с Югославии. И чтобы не убили никого из группы. А потом, чтоб её не тронули. А потом — чтоб забыла. Вот и вся мечта.

Я делаю еще глоток и закусываю.

— Понимаешь, в чем приколы, Илюха? Я ухожу — я ухожу навсегда. Я не бегаю по бабам с цветами, не объясняюсь. Всё. Окончено. Она — гражданская. Мать. И не надо мне всей этой любви и ро антики. Переспали и хорош друг другу мозги пудрить. Баб много.

— А ребёнок?

Я сжимаю зубы. Наливаю ещё.

— Нагуленыш, я уверен, сам знаешь, я же тест делал.

Мы молчим.

На улице кто-то орёт под окнами — пьяные подростки.

Я жму зубы.

Потому что знаю — это была неправда.

Я не хочу, чтоб она жила без меня.

И не хочу... мне нужно выжить ее как можно скорее. Нужно сделать все чтобы она съехала с этой квартиры завтра по-

слезавтра, хотя бы через неделю.

— И всё-таки, брат, — вырывает из мыслей Илюха, — Ты её тогда любил, ночь или две, сказать трудно, пьян был.

Я заливаю в себя глоток. Жжёт. Приятно. Жгучее всегда притупляет боль.

Брюнетка появляется ниоткуда.

Длинная, глянцева, ноги от ушей, в платье по телу, как вторая кожа. Глаза — стрелками, губы — сочные, красные, взгляд — «я готова».

Садится рядом, как будто случайно. Пахнет дорогим парфюмом и уверенной скукой.

— Привет Ты не отсюда, да? — мурлычет, наклоняясь ближе. — Я бы тебя тут запомнила.

Я делаю глоток. Горло обжигает.

— Я и сейчас тут ненадолго, — бурчу, не глядя.

Она хихикает, гладит пальцем край бокала.

Программа стандартная. Скучная. Прозрачная.

Смотрю мимо неё. Через неё.

Девки. Такие же, как она — столик за столиком. Гладкие, отфотошопленные живьём, все с одинаковыми глазами «возьми меня».

В другой день, может, я бы и...

Нет.

Ничего не хочется.

Никакого желания. Ни к кому.

Только дым, только глоток, только не думать.

Брюнетка кладёт руку мне на плечо.

Нежно. Липко.

— Я не кусаюсь, если что...

Смотрю на неё.

— А я кусаюсь, — рычу, — И не нежно.

Она отдёргивает руку, морщит губы, что-то шепчет про «фу, псих» и отворачивается.

Плевать.

Илья — напротив. Молчит, только еще порцию допивает, наблюдает, как я лавирую в этом фарсе.

Я смотрю на него. На брата по оружию.

— Я пойду, выйду.

Он не спрашивает, почему. Кивает.

— Давай, брат. Освежись.

Я встаю.

Выхожу.

Прямо сейчас. Сразу после разговора с Илюхой.

Вываливаюсь на улицу, будто меня кто-то вышвырнул.

Воздух тёплый, спёртый, с примесью гари от асфальта и дешёвого бензина.

Закуриваю. Руки трясёт, и не от страха, от злости. На себя. На неё. На то, как всё вышло.

— Ничего лишнего не сказал, — пробормотал вслух, — Чисто, всё по делу.

Да?

Сука.

Всё равно кто-то узнает. Всё равно запахнет. Там быстро нюхом чувствуют, когда баба где-то рядом мелькает.

А если эта баба — мать твоего ребёнка, с которым ты в лифте сталкиваешься — так вообще шито-крыто не получится.

Затягиваюсь глубже. В лёгких режет.

— Лучше сам скажу, — говорю, будто оправдываюсь перед кем-то, — Лучше, чтоб от меня прозвучало. Что, мол, видел, случайность, держу на контроле. Иначе кто-нибудь другой проинформирует — и уже не я рулевой, а пассажир в своей же жизни.

Сжимаю сигарету так, что пальцы хрустят.

Выкидываю бычок, тут же прикуриваю новую.

Плевать, что горло. Пусть болит. Это легче, чем думать.

А мысли... сука, они как оса в банке. Жужжат, бьются о стекло, бесят.

Открываю телефон. Палец сам тянется к галерее.

Не надо. Не надо.

Щёлкаю всё равно.

Фотка. Её. Киры.

Она в садике, сидит на полу, строит что-то из кубиков. Волосы — в ленточках, дурацких розовых, как у Барби. Щёки круглые, губы пухленькие. Улыбается кому-то за кадром. Наверное, ей сказала что-то мама.

Красивая.

На Раю похожа.

И, сука, хорошо, что не на меня.

Хорошо.

Вздых вырывается сам — тяжёлый, будто через бетонный блок.

— Прости ты меня, зайка. Ты просто... не должна быть моей. Так лучше.

Экран гаснет. Телефон — в карман. Пепел стряхиваю на асфальт.

Закуриваю ещё.

Третью.

Руки уже не слушаются. Холодные.

Хватает. Хватит. Всё.

Выпрямляюсь. Собираю себя по частям, как автомат.

Обратно в бар. Там дела.

А сердце... сердце пусть там остаётся. В той фотке.

И в тех глазах, которые на меня сегодня так смотрели.

Не дочери — Раи.

Чужие. Больше не мои.

Глава 14

Рая

Я выхожу из сада, оборачиваюсь на прощание — Кира машет мне рукой, щёки пылают, бантик криво, но счастлива.

Моя девочка.

Ну хоть кто-то в этой жизни счастлив и слава богу, пусть так и будет всегда.

Домой иду быстро, будто от кого-то убегаю. Наверное, от себя.

Поскорее бы сесть за ноутбук, поработать, погрузиться в цифры, рассылки — и забыться.

Открываю дверь, привычно стаскиваю кроссовки пяткой и придерживаюсь левой рукой за тумбочку, чтобы не упасть. Пора бы сменить обувь.

На кухне лёгкий аромат кофе с прошлого вечера — нет, варить не буду, а то опять сердце начнёт скакать.

Сажусь, включаю ноут. Запускаю табличку с акциями.

Только собираюсь дописать «Скидка -20% для именинников», как...

AAAAAXXX...

Замираю.

Что это сейчас было?

Секунда, и вторая — *ах... да... ещё...*

Я выключаю легкую приглушенную музыку — у меня на сайте автофонное сопровождение — и прислушиваюсь.

Не показалось.

Боже мой.

СТОНЫ.

Я даже не уверена, что у видео для взрослых такая звуковая дорожка.

— Ты издеваешься... — шепчу сама себе, поднимаясь.

Подхожу к стене — та самая, за которой квартира Анвара.

Я теперь уже знаю, спасибо судьбе, что этот мужчина от меня отвязался.

Спасибо ли?

Да пошло оно всё.

Закипаю.

Бум. Бум. Бум.

Теперь к стонам добавляется ритмичный глухой удар.

Или в стену кто-то стучит... или кровать так скачет, что вот-вот обрушится сразу на первый этаж.

— Какое... животное, — шепчу я, сжав кулаки. — Девять утра. Девять. Утра.

Я хватаю наушники. Ну как хватаю. Рыскаю в сумке и ко-

гда не нахожу их на дне, вспоминаю, что под подушкой.

Спасибо хоть, что Кира уже в садике и такую грязь слышать не придется. не знаю, как перебить такое мультиками про смешариков.

Хиты 80-х — моё спасение.

Modern Talking, давайте, помогите мне не пойти и не прибить соседа кастрюлей.

"You're my heart, you're my soul..."

Да-да.

Моя душа сейчас вскипит и испарится.

Но не помогает.

Минута. две. пять. десять. Я почти отвлекаюсь на таблицы, почти уже пою песню и иду заваривать чай с мятой, как снимаю наушники.

И снова:

"ДААА! ЕЩЁ!"

Странно, что она не выкрикивает его имя. Фу. Мерзость.

Кто она там у него? Брюнетка с ресницами? Или какая-то новая? Скорее всего новая. Такому как он паршивцу только новых и подавай.

Я встаю.

Хожу по квартире кругами. Туда-сюда. Туда-сюда. Вижу

уютог, уже хочу отвлечься на глажку, но нет. Махаю рукой и закусываю губу.

Как же Хайруллин меня бесит. Ух! До вскипания крови в ушах! Бесит! Бесит!

Открываю холодильник, закрываю.

Наливаю воду, выпиваю.

Мои мысли разрываются между:

"Это не твоё дело, пусть спит с кем хочет, хоть на потолке."

и "Серьёзно? Прямо под ухом? Я тебе, что, сексофон?!"

— Ребёночка себе делает нового, да? — вслух говорю, присев обратно за рабочее место, — Прямо сейчас. Завтрак, постель, оплодотворение. График, наверное, висит на холодильнике. По вторникам — брюнетки.

Я усмехаюсь. Желчно.

В лицо бы ему этим утренним кофе.

Ещё один глухой стон.

Я прикрываю лицо ладонями.

— Не слышать. Не думать. Не реагировать. Не врезать. Всё хорошо, ты взрослая женщина. Нежная. Уравновешенная. Ты не идёшь на конфликты, Рая, никогда. Ты ведь как все говорят — лотос.

Бум. Бум.

— Лотос с бейсбольной битой, — добавляю себе и резко

включая чайник. Пусть хоть что-то шумит по-человечески, а не похотливо стонет через стену.

Я сажусь обратно, беру мышку в руку.

На экране — шаблон поста: "Проведите утро с наслаждением".

— Ну уж нет. Не со мной, — шепчу я и удаляю эту строчку, — Пошли они к чёрту со своими утрами. Худшее время дня.

Куда уехать, чтобы не слышать стоны из соседской спальни?

И почему именно у Анвара голос как у актёра из рекламы шампуня? Даже стоны с баритоном. Не похоже.

Я кривлюсь.

— Даже в этом он идеален, чтоб его.
Стук.

Теперь кто-то ещё стучит в дверь? Или в соседскую?

Нет.

Это... кто-то там не выдержал и тоже начал стучать по сте-

не! Видимо, не только у меня нервы сдают.

— Видишь, Анвар? Ты бесишь не только меня! — радуюсь и тут же умиляюсь собственной мстительной натуре.

Вдруг наступает тишина. Секунда. Другая.

Шаги. Мужские.

Смех. Щёлкнула дверь — похоже, барышня ушла.

— Ну слава богу. Ритуал окончен. Можно наконец-то жить, как нормальные люди.

Я наливаю себе наконец-то чай. И сажусь. И делаю глубокий вдох.

— Всё. Работать. Работать и еще раз работать.

Пальцы касаются клавиатуры, но экран плывёт.

В ушах всё ещё звучит его голос. Не слова. А ритм. Стон.

Может, я просто слишком чувствительная?

Может, слишком долго была одна?

Может, он нарочно громко?

Я замираю.

— Нет, это не он. Это ты, Рая. Ты просто... не можешь не слышать.

Потому что когда-то любила. И теперь всё, что он делает, тебе слышится слишком... слишком мерзким.

Солнце уже клонится к горизонту, воздух становится бархатным, с тем особым оттенком вечера, когда хочется молчать и просто идти. Я забираю Киру из сада — она выбегает навстречу, обнимает, глаза сияют.

День у нее прошел явно лучше, чем у мамы.

В такие моменты всё остальное будто стирается.

Но стоит мне обернуться, как вижу знакомое лицо.
Артём.

Сначала не уверена — он в кепке, в спортивной куртке, чуть небритый.

Но когда он улыбается — сомнений нет.

Он и правда рад меня видеть.

Слишком рад.

— Привет, Рая! — он буквально подбегает ко мне, — Может, прогуляемся? На площадку, здесь рядом. Я просто шёл, тебя увидел...

Ну-ну. Просто увидел в то время, когда все забирают детей с садика.

— Да, конечно. Давай.

Я сама не понимаю, почему сразу соглашаюсь.
Может, просто не хочу домой.

Туда, где за стеной мужчина без лица и совести устраивает вакханалию в девять утра.

Мы идём в тени деревьев.

Сквозь листву пробивается вечернее солнце, и мне на секунду кажется, будто я снова в том мире, где всё просто: есть прогулка, ребёнок, и человек рядом, с которым можно поговорить.

Без взрывов в груди.

Без паники.

Без прошлого, которое бьёт поддых .

На площадке — пусто.

Только несколько мам с колясками у дальнего края.

Мы садимся на лавочку — я, а рядом Артём.

Кира карабкается по лесенке, и я слышу, как она смеётся.

Я люблю этот смех.

За него стоило пережить всё.

Но снова мои мысли и снова меня их них вырывают.

— Ну как ты вообще? — спрашивает Артем и вопросительно поднимает бровь,— Видел, кстати, рекламу твоего ресторана. Красиво. Прямо горжусь.

— Спасибо, — киваю я, невольно улыбаясь, — Работаем, стараемся.

— Я вот... — он поворачивается ко мне, глаза сверкают,— Получил повышение. Теперь начальник отдела. Сам в шоке.

— Серьёзно? Поздравляю. Это круто.

Я улыбаюсь. Очень рада за него.

А он продолжает.

— Я, кстати, всерьёз думаю переехать поближе. Тут район хороший, зелёный, садик рядом, инфраструктура норм. Ну и удобно. Вас еще видеть почаще. Привыкаю, знаешь ли.

Он говорит это без мягких интонаций, без взгляда, от которого хочется отвернуться. Просто факт.

Будто мы два родителя, которые обсуждают логистику ради ребёнка.

Интересно.

И вот почему-то от этого мне *ещё более неуютно*, чем если бы он назвал меня «милая» или «Раечка». Не потому, что я хочу этого. Просто, он так близко сидит...

— Угу, понятно, — отвечаю, киваю, — Район и правда удобный.

— Сынок, — он переводит внимание на него, — аккуратнее!
Пауза.

— Он сейчас в хоккей ударился, представляешь? Пять лет, а уже клюшку оторвать невозможно.

Он улыбнулся. Я тоже.

— Надеюсь, зубы ему не выбьют, — добавляет он с ухмылкой, — Хотя он сам такой, хищник мелкий, в меня.

Я улыбаюсь. Действительно — смешно.

И неожиданно приятно видеть Артёма таким: живым, говорящим, смеющимся, просто от того, что у него есть сын и

он не хочет, чтобы тому выбили зуб.

Ой, потеха.

— Пусть лучше в шахматы, — пытаюсь пошутить, понимая, что звучит немного бредово, — культурно и без травм.

— Уже пробовали, — отмахивается он, прикусывая от смущения губу, — Два раза сломал фигуры, один раз доску. Сказал, «это не моё».

Мы ещё немного сидим.

Разговор идёт.

И мне... хорошо.

Прямо перед окнами моей квартиры.

Прямо перед Кирой, играющей с мальчишкой в ладушки.

И рядом с ним. Со старым добрым другом.

Дорогие читатели, сегодня приглашаю вас в книгу Анны Граниной и Яны Мосар "Вернуть жену любой ценой"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/LybC>

Визуалы 2

*Дорогие читатели, пришло время познакомиться с
остальными героями истории*

Кира. Наша принцесса

Артем с сыном

Мама Раи

Папа Раи

Беременная девушка Анвара

Глава 15

Анвар

Выдыхаю дым в вечер, будто хочу выкурить из головы всё лишнее. Но не выходит.

Всё там сидит — напряжение, нерв по коже, и это дурацкое чувство, которое я даже называть не хочу.

Знаю одно: Киру уже должны были забрать из садика.

Обычно в это время слышу, как хлопает дверь, как Рая говорит с дочкой — у них там свои ритуалы, своё маленькое семейное «домашнее кино».

Но сейчас — ничего.

Тихо.

Подозрительно.

Выхожу на балкон. Прислушиваюсь. Нет, правда — тихо.

Ни шагов, ни голоса.

Прислоняюсь к перилам, и вот тогда мой взгляд натывается.

Лавочка.

Она.

И не одна.

Рядом мужик. Сидит себе улыбается ей. Рядом прям, не отлипает. Мелкий ферзь с душой фломастера.

А Рая... смеётся.

Смеётся.

Улыбается так, будто мир у ее ног.

Сидит, качает ногой, слушает его, кивает, улыбается ещё шире.

И смеётся. Вижу.

Руки в карманы.

Достаю пачку.

Щёлкаю зажигалкой.

Пламя дрожит, как будто оно тоже охренело от того, что я вижу.

Ты серьёзно, Рая? Так быстро?

Что, время прошло — и всё?

Уже не важно, что я был отцом твоей дочери?

Не важно, что я хоть как-то пытался, пусть и не по учебнику?

Так просто стереть меня, вычеркнуть?

В голове мелькает мысль: *«а с чего ты взял, что она должна ждать тебя?»*

Но я её давлю.

Я же её... не люблю.

Не люблю.

НЕ ЛЮБЛЮ.

Просто уважаю.

И злюсь. Потому что...

Ну бля, ну неужели с этим?

Смотрю на неё и не узнаю.

Ни капли грусти, ни капли тоски.

Ни даже оттенка боли на лице.

А мне-то казалось, что ей хоть что-то значу.

Выдыхай, Анвар. Медленно.

— Всё нормально, — бурчу себе под нос, — тебе вообще должно быть по... барабану.

Вторую сигарету достаю. Курю, как автомат.

Глотаю дым, будто он сильнее воспоминаний.

Вот она, улыбается. И он рядом, что-то говорит, она смеётся опять. Как в кино.

Может, это я ошибся? Может, не она — моя. Может, никогда и не была.

Хорошо, что Кира похожа на неё, а не на меня.

Пусть будет с лицом, которое мир любит.

Не с моим.

И вдруг хочется спуститься и подойти. Сказать пару слов.

Не ей — ему. В ухо.

Так, чтобы он потом год думал в больничке, что значит «не трогай моё».

Но я не двигаюсь.

Стою, курю.

И делаю вид, что мне плевать.
Хотя весь внутри — на разрыв.

Рву себя зубами.

Но не подойду.
Пусть думает, что у неё есть выбор.
Пусть смеётся.

Пока.
А после бокал наполняется медленно.

Я слежу, как янтарная струя падает в толстое стекло и разливается кругами, будто время замедлилось.

Делаю первый глоток.

Смотрю в окно. Её там нет. Но я всё ещё вижу это. Её. На лавке. С ним. Она смеялась. От души, по-настоящему.

Не так, как со мной, нет — совсем иначе.

Как будто он... как будто он — всё, чего ей не хватало.

Сучка.

Достаю телефон, листаю до нужного контакта.

— Миха. Палтус.

Звоню. Он берёт быстро.

— Ага, слушаю.

— Есть работа.

— Погоди, дай угадаю... — голос у него ленивый, но внутри я уже чувствую, как он напрягся, мои просьбы всегда не сахар, — Женщина?

— Угадал.

— Опять твоя?

— Моя бывшая. Припёрлась в мой дом. Сидит у меня под окнами. С мужиком.

Пауза.

— И ты хочешь?

— Хочу, чтоб она думала, что за ней следят. Чтобы каждую минуту дёргалась. Но не могла ничего доказать.

— Классика. Не вопрос. Поставим наблюдение. У нас есть паренёк — младший, тихий, в глаза не бросается. На велике гоняет, телефон в руках, как будто тикток снимает.

— Пусть снимает. Только побольше. Всё. Где. Она. С. Ним. Понял?

— Да понял я. Фото — тебе.

Да мне. Подсуну ей. Без подписей. Без угроз. Просто, чтобы у неё кровь в жилах остывала.

Я делаю ещё глоток. На этот раз уже легче пошло.

— Она думала, что вернется и будет жить, как ни в чём не бывало? С другим мужиком? На глазах у меня?

Меня рвет и я выливаю это на него.

— Ты, конечно, не обижайся, брат, но... ты её не отпустил.

— Да я всех отпускаю. Я просто не люблю, когда меня держат за дурака.

— Может, ты всё ещё...

— Не надо, Миха.

— Я ничего не говорил, ты сам понял.

Молчим. Висит пауза.

Я выдыхаю, смотрю в тёмное окно — там только моё отражение. Виски в бокале качается, как шторм в голове.

— Завтра с утра пусть начнёт. Фото в почтовый ящик. Без слов.

— Принято. Всё будет.

— Только чтоб она не знала, кто. Это важно.

— Ну ты же меня знаешь. Я как тень. А наш парень — как призрак.

— Вот и отлично.

Сбрасываю звонок. Звон бокала о стол звучит, как выстрел.

Выдыхаю через нос. Жёстко. Рвано.

Подхожу к окну, смотрю вниз. Пусто. Но всё ещё чувствую запах её духов. Как будто стены пропитаны. Как будто она впечаталась в эту квартиру.

Почему меня трясёт?

Почему мне больно?

Почему я хочу, чтобы ей было хуже, чем мне — и сразу становится легче?

И это страшнее всего.

Потому что я не хочу её вернуть.

Мне нельзя.

И ей нельзя ко мне возвращаться.

Дорогие читатели, сегодня мы познакомимся с еще одной книгой нашего литмоба от Зои Астэр "Вернуть жену. Снова будешь моей."

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/u3LF>

Глава 16

Рая

День тянется, как жвачка, прилипшая к ботинку.

Я вроде бы и работаю — отправляю письма, редактирую тексты, в таблицы втыкаю формулы, делаю вид, что всё под контролем. Но внутри — не работа, а Артём.

Он.

Старый друг, знакомый, почти забытый эпизод. И вдруг — снова тут. Не просто «заехал мимо», а *переезжает*.

Поближе. Смотрит квартиры *в нашем районе*. Говорит об этом так буднично, будто это нормально. Хотя... и правда ведь, нормально.

Может, я себя накручиваю? Может, он и правда просто нашёл удобный район: садик, метро, школы, экология... да кому я вру?

Мы не виделись сто лет, и вдруг — вот он.

И вот мы сидим на лавочке, и он рассказывает про сына, про хоккей, про сломанные зубы и тренировки. А я смеюсь.

И чувствую: что-то не так.

Он смотрел слишком тепло. Говорил слишком спокойно.

А я будто хотела поверить, что всё это случайность.

Не верю.

Никто просто так не появляется рядом.

Никто просто так не хочет переехать *через дорогу от те-*

бя.

Я откидываюсь в кресле, тянусь к чашке — чай остыл.

В сотый раз ловлю себя на мысли, что даже музыка не помогает. Фоном идёт что-то из нулевых, ритмичное, вроде должно заряжать, но внутри как будто кто-то скребёт ногтями по внутренней стенке души.

Да забей ты, работай.

Я открываю почту, начинаю разбирать ответы от клиентов, снова таблицы, снова правки.

Цифры, буквы, люди.

Кто-то хвалит, кто-то нервничает, кто-то просит скидку. Обычное утро.

За окном день идёт на спад.

Свет становится мягче, а мне пора собираться за Кирой. Сегодня — бабушкин день.

Мама звонила с самого утра: «Я тут пирог сделала, с рыбкой, знаешь, твой любимый, и булочек с яблоками напекла. К чаю».

Она всегда так говорит — «к чаю», а на самом деле то я знаю, что она хочет просто приятно провести вечер в кругу семьи.

И ехать, конечно, надо. Кире будет радость, мне — передышка. Пусть мама погладит по голове, даже если вслух ничего не скажет. Мы не из тех, кто разливается в объятиях. Но она меня чувствует. Всегда.

Собираю сумку — тетрадки, сменка, влажные салфетки,

запасная кофта. Папку с бумагами на случай, если захочется поработать у мамы. Наушники, зарядка, телефон, помада — всё, как всегда. Машинально проверяю дверцы, выключаю свет, ключи в руке.

На лестничной площадке пахнет запечённой курицей и чьим-то новым освежителем воздуха с ароматом граната. Брр.

Спускаясь вниз, вспоминаю, что не заглядывала в почтовый ящик уже дня три. Могло что-то прийти — газета, реклама, штраф (не дай бог), а вдруг открытка? Или... *что угодно.*

Останавливаюсь у ящика, достаю ключик.

Щёлк.

Щёлк.

Я наклоняюсь, ожидая стандартный набор: рекламка суши, счет за свет, может, листовка с распродажей курток. Но...

Нет.

Внутри — фотографии.

Не открытки. Не каталоги. Не письма.

Фотографии.

Первая — я. Просто я, стою у лавочки, смотрю куда-то в сторону, волосы растрёпаны, глаза полуприкрыты. Даже не помню, когда это было. Но это — свежая фотография. Не вырезка из старого альбома. Не селфи. Кто-то фотографировал меня *тайком.*

Руки начинают дрожать, я достаю ещё одну. Артём. Он

сидит на той же самой лавке.

Судя по ракурсу — это рядом с той, на которой мы болтали три дня назад.

Парк. Детская площадка. И снова — не постановка. Не знакомый снимал. Кто-то... из тени.

Третья фотография — мы вместе у дверей садика. Смеёмся. Кира между нами, держу её за руки.

Сердце ухает в пятки. Я ощущаю, как всё в груди холодеет, а по спине бегут мурашки. Что это за прикол? Кто это сделал? Зачем? *Зачем?!*

Я озираюсь. Двор пуст. Только старик с овчаркой вдалеке и... шаги.

— Здорова, малыха, — доносится до меня хрипловатый голос.

Анвар.

Я вздрагиваю.

Он идёт в мою сторону.

А я стою с фотографиями в руках, как будто меня только что раздели на глазах у всего подъезда.

— С тобой что случилось? — хмурится он, подходя ближе.

И, кажется, впервые за долгое время в его голосе нет ни сарказма, ни раздражения. Только — удивление. Может, даже обеспокоенность.

Я молча протягиваю ему снимки. Он берёт, просматривает, щурится.

— И что? Это кто? — наигранно безразлично спрашивает он.

— Это... я нашла их *в почтовом ящике*. Понимаешь? В своём. Сегодня. — голос дрожит, я сама едва верю в происходящее, — Меня кто-то фотографирует. И не только меня. Меня с дочкой. Это... это ненормально!

Анвар смотрит на фото ещё пару секунд. Потом — неожиданно — смеётся.

Грубо, коротко, будто я ему рассказала анекдот, а не про слежку.

— Да ладно, Рая, ты чего? — он хлопает меня по плечу, — Может, кто из твоих ухажёров решил сохранить воспоминания? Или соседу скучно стало. Подумаешь, фото.

— *Ты не понимаешь*, — срываюсь я, — Это жутко! Кто-то следит. Кто-то знает, где мы были. Кто рядом со мной. Кто моя дочь... Помоги разобраться...

— Слушай, не накручивай себя. Мало ли. Сейчас каждый второй с фотоаппаратом. Может, школьник какой-то практиковался. Или...

— *Анвар!* — перебиваю, голос почти срывается, — Ты бы смеялся, если бы такие снимки нашли у себя твои родители?!

Он делает шаг назад, недовольно морщится.

— Ну не ори, а. Просто... расслабься, ладно? Если б кто-то хотел тебе навредить, давно бы уже это сделал. А так... пара фото. Это даже не угроза. Не разводи драму на ровном

месте.

Я смотрю на него, и внутри что-то ломается.

Он меня не слышит. Или — не хочет слышать.

Ему все равно, что кто-то следит за матерью его ребенка.

Мне страшно. Мне по-настоящему страшно.

А он... он просто улыбается. И курит дальше свою сигарету, как будто это всё — бредовая истерика одинокой женщины.

Я сжимаю фото, прячу обратно в конверт, в сумку. Сердце всё ещё колотится, ладони вспотели.

— Ладно, — говорю, уже без эмоций, — пока.

— Пока, Малыха, — бросает он уже мне в спину.

Дорогие читатели, спешу пригласить вас в свою эмоциональную новинку

"Капитан. Мать-одиночка. И дочка"

ССЫЛКА НА КНИГУ: <https://litnet.com/shrt/Y9I8>

— Дядя, а вы можете побыть моим папой? Хотя бы чуть-чуть...

Маленькая девочка смотрит так проникновенно, что даже у меня, заматерелого капитана, все внутри сжимается.

— Ну это уже серьезный вопрос, малая, — усмехаюсь я, присаживаясь перед ней. — Очень серьезный.

Я не собирался лезть в чужую семью.

Тем более в семью сослуживца.

Но когда увидел его жену в слезах, а рядом — растерянную малышку, понял одно: мимо не пройду.

Потому что есть вещи, которые офицер не имеет права игнорировать.

Предательство.

Женские слезы.

И ребенка, который слишком рано понял, что папа может оказаться подлецом.

– Так побудете? – не унимается малявка.

– Только если твоя мама не будет против.

В книге Вас ждут:

##Отец-подлец

##Нежная, но несломленная мама

##Маленькая обаяшка-дочка

##И наш суровый капитан с добрым сердцем♥#

ХЭ для тех, кто его достоин♥#

Глава 17

Анвар

Захлопываю ноутбук.

Ну и дичь.

«Поливайте пол хлоркой», «заводите собаку», «включайте перфоратор по утрам» — серьезно? Это максимум, на что способны эти блогеры с Ютуба?

Я, блядь, думал, найду что-то по-умнее.

А в итоге сию, как debil, и читаю советы от разведенков, как «выжить соседей».

Да если бы не дочка...

Не было бы всей этой каши.

Но я же не могу — взять и плюнуть. Кира здесь, ей нужен отец рядом.

А эта... Эта Рая, бля, как бельмо на глазу. Мешается только. Не надо ей тут быть, а она. Она.

Ходит, улыбается, Артему своему глазки строит.

Только что в ящике фотки нашла — и что? Подумаешь, засуетилась. А ведь это только начало.

Я ещё даже не начинал особо.

Надо что-то посерьезнее.

Психологическое.

Не так, чтоб в тюрьму сесть, но чтоб душу вынуть.

А главное — чтоб она не к нему пошла.

Только не к нему.

Телефон дрожит на столе.

СМС.

«Завтра в 7. Сороковой километр. Там же.»

У меня губы сжимаются в тонкую линию.

— Сука... — вырывается с хрипом, — Сука. Когда эта хрень закончится?..

Я даже думать не хочу.

Эти «сороковые километры», эти «встречи» — я уже не чувствую рук после каждого.

Как будто я по частям себя сдаю.

Но выхода нет.

Когда начал — назад дороги нет.

Их там не волнует, как у меня дела, есть ли силы, сплю ли я. Им надо, чтоб делал.

А я делаю.

Ладно.

С этим потом. Завтра.

А сейчас — Рая.

Она должна съехать.

Но не сразу. Не так, чтоб «ой, мне плохо, уеду к маме».

Нет. Надо, чтоб задыхалась. Чтоб с ума сходила.

Страх.

Нервы.

Чувство, что за ней следят — чтоб она сама с ума сошла.

Фотки — хорошее начало.

Надо продолжать.

Можно попросить Гришу — он у нас как тень, никто его не видит. Пусть шоркается внизу, пусть следит. Я потом ей, как бы между прочим, скажу: «Слушай, ты не замечала, какой-то тип у подъезда всё время сидит?»

Вот она и дёрнется.

И главное — вежливо. С улыбкой. Как заботливый сосед.

И чтоб Артемчик твой ничего не понял.

Он же пока ещё добрый.

Доброта у таких — до первого конфликта.

Потом зверь.

Но это тоже можно сыграть. Против вас обоих.

Ты же думала, я так просто отпущу, да, малыха?

Ты же не поняла — у меня, может, на лице улыбка, а внутри — война.

Да уж.

Сколько еще проходит времени - я не знаю.

Сижу, уставившись в телефон, будто он живой. Экран светится, а у меня от этого света дергается глаз.

Наливаю себе коньяк.

Бокал тяжёлый, янтарь льется густо, как мед. Делаю глоток — в горле жжёт, но легче не становится.

Пачка сигарет на столе. Беру одну, закуриваю. Дым бьет в лицо, глаза режет.

Курю вторую, потом третью.

Уже не могу курить, но и не курить — тоже не могу.

Смотрю на фотку в телефоне. Она. С ним. Сидят, улыбаются. Ему — мой смех. Ему — мой взгляд, который когда-то принадлежал мне.

Артем, блядь.

Мелкий ферзь, случайный прохожий.

С чего вдруг он решил в мой двор, в мой район? Чего он тут забыл? Чего он у моей женщины — даже если бывшей? У моей дочери, у моего мира?

Пальцы сами сжимают телефон так, что хрустит пластик.

От раздражения, от злости, от этой липкой тоски, которая лезет изнутри.

Хочется швырнуть его в стену, но я только сильнее стискиваю.

Никуда не денешься — тут все контакты, тут все ходы. Без него — как без оружия.

Скидываю фотку Михе. Пишу коротко:

— Братан, раскидай, чего кого.

Он отвечает почти сразу:

— Это кто?

— Да, личное, тапок один, зацепка моя.

— Лады.

Смс гаснет. Коньяк глотается. Дым клубится. А внутри — гул.

Смотрю на тусклый светильник под потолком. Он мигает, словно тоже издевается.

Пахнет табаком, горячим стеклом, моей злостью.

И вот посреди этого всего приходит мысль — не просто выжить её. Не просто.

Сделать так, чтобы сама сбежала.

Но при этом — ни капли рядом с Кирой. Ребёнка трогать нельзя. Ни намёком, ни дыханием.

Подношу телефон, открываю галерею. Фото Киры. Маленькая, светлая.

Слава Богу, что не на меня похожа.

Пусть будет как мама — с лицом, которое мир любит.

Пусть не будет с моим.

Тоска сжимает грудь, как тиски. Но за тоской — злость.

Я тебя выживу, Рая.

Я тебя выживу.

Ты думаешь, что смеяться у меня под окнами с другим — можно? Думаешь, что он спасёт тебя? Нет.

Наливаю себе ещё. Закуриваю. Смотрю на экран, а там в чате с Михой уже:

— Завтра с утра начнём. Фото будут.

Отпускаю телефон на стол. Стекло стучит по дереву, как выстрел.

Выдыхаю. Рвано.

— А вот потом, когда я тебя верну, — шепчу, глядя в окно, — я тебя раздавлю в своих объятиях.

Дым струится вверх, коньяк медленно уходит, а внутри меня кипит план.

— Придет время потом, моя все равно будешь.

Глава 18

Рая

Автобус трясся, как старый самовар.

Я держусь за поручень, толпа народу, все жмутся и никакого продыху.

Когда автобус остановился у знакомой остановки, у меня внутри будто что-то отпустило.

Я дома. Почти дома.

Мамины окна с резными занавесками, палисадник с осыпающимися бархатцами, запах яблок, земли и подрумяненного теста.

Райский уголок, каким бы шумным он ни был.

— Доченька! — мама выбежала на крыльцо с мокрым полотенцем в руках, — Ты чё как полусдохлая выглядишь? Сумку давай, я понесу.

— Мам, ты сама полусдохлая, — я смеюсь, но голос дрожит.

Устала я что-то за сегодня, перенервничала.

— Привет, бабуся и мамуся! — Кира уже проснулась и тянется к ней.

А я умиляюсь. Вот, егоза.

— Привет, крошка моя!

Дома ходит папа — в старой растянутой кофте, с вечно серьёзным лицом, которое мгновенно теплеет при виде внуч-

ки.

Он молча подхватывает её и, сажает себе на плечи.

— Ну, кто тут у нас командир?

— Я! — орёт Кира, и оба смеются.

А мама рядом — с этим самым видом, каким я её помню в лучшие моменты: сердитая, с тряпкой в руке, но вся насквозь из любви.

Пара фраз, пять минут и вот снова у них начинается.

— Тебе крышка, жук подколодный! Только спусти малышку, и я тебе устрою! — кричит она папе, оперевшись плечом в дверной косяк.

— Ха, злобная женщина! — бурчит он в ответ, — Глянь, внучка улыбается, значит, я всё правильно делаю.

— Она улыбается, потому что в тебя пошла — упрямая и вредная!

Я стою в коридоре, держу в руках сумку, а в груди расплывается что-то похожее на тепло.

Сколько они вместе? Тридцать лет? Больше?

И всё равно умудряются каждый день «ругаться» с одной и той же интонацией, где под ворчанием — нежность. Где за «крышка тебе» — стоит «не дай Бог что-то случится».

Я мечтала об этом.

Всё детство.

Мечтала, что когда вырасту, тоже вот так буду — с любимым, навсегда, на всю жизнь.

Но взрослый мир почему-то жестче.

Там любовь — не гарантия.

Там уходят, бросают, предают.

Как Анвар.

Как отец Киры.

Я провожу взглядом отца и дочку, которые уже носятся по залу. Она на шее у него, он изображает лошадь. Мама кричит.

— Аккуратнее!

Тяжелый вздох.

Пойду.

На кухне — как всегда, тепло от духовки.

Мою руки, и, не дожидаясь команды, иду к разделочной доске.

Пирог уже готов. С рыбкой один, второй с луком и с яйцом.

Я обожаю их.

И ем раз в полгода — потому что только мамин вкус.

Никто, кроме неё, так не может.

Режу. Слышен хруст корочки.

Мммм. Красота какая.

— А булочки где? — кричу я через кухню.

— Под полотенцем! — кричит мама в ответ. — С яблоками! С дачи!

Я кладу кусок пирога на тарелку. Ещё дымится.

Сажусь за стол.

На душе — почти порядок.

Почти.

Потому что за плечами тревога.

Фото. Анвар. Артём.

Но сейчас — не время. Сейчас — дом.

Я делаю первый укус.

Горячо. Сочно. Вкус детства.

И всё-таки — хорошо, что я приехала. Может тут хотя бы голову расслаблю.

Дочка вечером засыпала с открытым ртом, периодически шепча что-то про лошадку и пирожок.

Я сижу рядом, глажу её по волосам и чувствую, как что-то во мне расслабляется, отпускает.

Сегодня хоть кто-то в этом мире спит спокойно.

Сама я устроилась на диване в зале.

Окно приоткрыто, доносится стрекот телевизора у соседей и запахи ночного сада.

Я лежу, разглядываю потолок с трещинками и думаю, как много меняется и как мало по-настоящему уходит.

Всё возвращается. Даже он. Даже Анвар.

Мама появляется почти беззвучно, в руках — чашка.

— На, чай. Ромашка, с мятой. Уснёшь лучше.

Я улыбаюсь и приподнимаюсь на локте, принимаю чашку.

— Спасибо. Ты как всегда вовремя.

Она садится рядом, поправляет мою подушку, смотрит на меня исподлобья.

— Ты какая-то не такая. Скажешь чего стряслось?

Я делаю глоток.

Горячо.

Да и горчит, как всё в жизни в последнее время.

— Мам, Анвар живёт через стенку. В нашей новой квартире. Он... как бы... ну, сосед.

У мамы отвисает челюсть.

— Чего?!

Она почти вскрикивает, и я торопливо шикаю.

— Тихо! Кира спит.

— Подожди... ты хочешь сказать, что этот... этот... — она начинает вскипать, — живёт прямо с тобой на одной лестничной площадке?

— Через стену. И да, он знает. Я узнала позже.

Я выдыхаю.

— Терроризирует меня. То музыку громко врубит, то девок водит, то просто может дверь хлопнуть посреди ночи так, что у меня сердце в пятки. Как будто нарочно.

Мама смотрит на меня так, будто у неё щас инфаркт случится.

— Подожди, это всё при Кире?!

— Нет, конечно. — я торопливо машу рукой. — Он подгадывает, когда она в садике. Но сам факт, мам... Сам факт.

Мама хватается себя за грудь.

— Какие паршивцы мужики пошли, ну просто паршивцы!

Она морщится.

— Ужас, кошмар, блядство какое-то! Прости, доча, но

других слов у меня нет! У тебя ребёнок на руках, а он девок водит? Он вообще с ума сошёл?

— Ну... там ещё вроде бы женщина какая-то беременна от него, — я говорю тише.

Мама прикладывает ладонь к груди.

— Всё. Убить его мало.

Она встаёт, начинает мерить шагами комнату.

— Вот скажи мне, чем ты на него смотрела? Ну кто тебя тянул к этому... этому... негодяю проклятому?

Я выдыхаю. Не знаю. Сердце звало. К нему только, да к нему, в объятия.

— Мама, я сама не знаю. Правда. Всё было... быстро. Красиво. Пока не стало... ну, тем, чем стало.

Мама останавливается, возвращается ко мне и садится рядом, снова поправляя одеяло.

— Доченька, ты у меня хорошая. Ты у меня — огонь. Не позволяй никому, никому рядом с тобой так себя вести. Пусть даже вентилятор без твоего ведома не включают.

Я смеюсь.

Мама....

— Это новая форма поддержки?

— Сама придумала.

Она кивает.

— Но по делу. И если он ещё хоть раз... хоть раз подойдет — ты мне скажи. Я приеду и в морду ему дам.

— Мам...

Я себе это уже представила.

— А что? Я не шучу.

Я кладу голову ей на колени когда она снова садится рядом.

Она гладит меня по волосам. Как в детстве.

И на пару секунд — я не женщина, не мать, не соседка бывшего.

Я просто — дочка. Мамина маленькая девочка.

Дорогие читатели, сегодня пришлаю в историю нашего литмоба от Селин Саади и Аси Петровой

Вернуть жену. Дай мне шанс

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/BTRm>

Глава 19

Анвар

Я просыпаюсь в ледяном поту.

Грудь будто придавило плитой, воздух рвётся наружу, но не выходит. Темно. В голове — гул. И запах.

Пыль. Горелая изоляция. Металл.

Сначала думаю — всё ещё сон.

Но потом слышу — кап. кап. кап.

Кровь. Моя. С виска. Теплая, липкая.

Пробую пошевелиться — тело не слушается.

Плечо зажато бетонным обломком. Нога где-то ниже заклинила между арматурой и доской.

— Спаси меня... — выдыхаю хрипло я, — Господи, спаси...

Ответа нет.

Только тишина и гул в ушах, как будто где-то далеко работает мотор.

Я дышу рвано, воздух пропитан пылью, губы пересохли, язык будто наждаком. Слюны нет, глотаю сухо, больно. Слышу где-то над собой треск. Что-то осыпается.

— Нет... нет, нет! — пытаюсь дотянуться до стены, подтолкнуть плиту.

Не выходит.

Каждое движение — как удар током.

В глазах темнеет, но я держусь.

Нельзя засыпать.

Если засну — всё.

— Рая... — шепчу в темноту, — РАЯ!.

Перед глазами — её лицо.

Смеётся, тянет ко мне руку.

— Спаси, — шепчу ей в пустоту, — пожалуйста, не уходи...

Но она не идёт.

Не отвечает.

И только пыль оседает на губах.

Стену снова трясёт, сверху падает кусок бетона.

Я кричу.

И в этот миг понимаю: всё, что я разрушил тогда — возвращается.

Она не пришла, потому что я сам её оттолкнул.

Сам.

И сейчас, здесь, я опять один.

— Так надо, — выдыхаю, будто убеждаю кого-то, — Так надо...

Земля подо мной дрожит, и всё рушится — окончательно.

Мрак захлёстывает.

Я вскакиваю, хватая воздух ртом.

Комната.

Кровать.

Свет от уличного фонаря падает на шторы.

Сердце долбит в груди так, будто я и правда бежал.
Потею, рубашка прилипла к спине.
Дышу рывками, пытаюсь успокоиться, но не выходит.
Горло сухое, будто песком набито.
Провожу ладонью по лицу — пот и соль.
На пальцах дрожь.
Подхожу к окну, открываю.
Ночной воздух ударяет в лицо.
Холодный, живой.

Я хватаю его жадно, будто глотаю спасение.

— Просто сон, — говорю себе в полтона, — Всего лишь сон.

И он был не просто так.

После встречи меня трясёт.

Не снаружи — внутри.

Как будто всё тело звенит, как струна, и вот-вот лопнет.

Я знаю, что должен делать.

Знаю, что Рая — не просто моя слабость, она моя болезнь.

И единственное лекарство — уничтожить всё и всех, кто стоит между нами.

И я это сделаю.

Прохожу на кухню, сажусь на табурет и наливаю себе виски.

Рука дрожит.

Не от страха — от усталости.

От сна, который не отпускает.

От настоящего, которое становится всё больше похоже на сюр.

Я делаю глоток, обжигает небо рта.

И тут — стук в дверь.

— Кто ещё?.. — выдыхаю сквозь зубы.

Открываю.

На пороге — она.

Беременная. Вся в слезах, трясёт губами.

— Мне... можно?.. — и уже утыкается носом в моё плечо,

— Мне плохо...

Я стою столбом. БЛЯ.

Руки висят вдоль тела, я даже не касаюсь её — не могу.

Запах чужих духов, влажные волосы, грудь, почти касающаяся моей груди.

Я стараюсь не дышать.

— Эй, успокойся... — бормочу и разворачиваюсь, иду на кухню, ставлю чайник.

Надо отвлечь.

— Скажи, что ты будешь рядом. Скажи мне, что не бро-
сишь...

— Что? — я поворачиваюсь.

Ебать.

Она уже тут.

Стоит за спиной.

Руки — на моих плечах.

Медленно скользят вниз.

— Я хочу тебя. Я хочу быть с тобой. У меня никого нет.
Не бросай...

У меня в голове перекаати-поле.

Слова не формируются.

ЭМ.

Челюсть будто свело.

Я ей не обещал быть рядом каждый день. Я вообще ничего не обещал.

Мы даже не встречались.

Ну... общались.

Я не кричал «иди отсюда». Был нормальным.

Видел живот — да.

Ну и что?

— Я бы налил тебе, — пробормотал я, доставая кружку,
— да тебе нельзя...

— Я не хочу пить. Я хочу, чтобы ты сказал, что я тебе
нужна.

Я подношу кружку к губам, будто пью, но она пуста.

Во рту опять сухо.

Может, я всё ещё сплю?

Может, я так и не выбрался из-под обломков в том сне?

Смотрю на неё.

На лицо, залитое слезами.

На губы, которые дрожат.

На живот.

Она просто одинока.

Может, ей реально не к кому.

А может, она просто боится.

И потому вцепилась в меня.

Но сказать ей «уйди» — как в живот ударить.

Слов нет.

Только пустота.

И какая-то горькая злость — на неё, на себя, на этот чертов чайник, который всё не закипает.

— Посиди... — говорю и сам не узнаю свой голос.

Она садится.

Тихо.

Выглядит такой разбитой, что я сам начинаю трещать по швам.

Как её выгонять?

Как объяснить, что я её не хочу? Никогда не хотел. Ни телом, ни душой.

Что она — просто женщина, не моя.

А в голове всё вертится: «Ты не обещал. Но и не сказал “нет”.»

А значит — часть вины на мне.

А может — и не часть.

Чайник щёлкает.

Я наливаю ей чай.

Ставлю на стол.

— Спасибо, — шепчет она.

Я не отвечаю.

Просто сажусь напротив и пью пустую кружку, как будто там всё ещё виски.

И думаю: Чёрт... а Рая бы сейчас всё поняла без слов.

А с этой... даже говорить не могу.

Потому что любой ответ будет или подлостью, или жестокостью.

И потому — молчу.

Дорогие мои, следующая прода уже на сайте. Ой что я для вас приготовила...

А пока мы ждем, продолжения, приглашаю вас в свою новинку

"Сохрани мне верность"

Ссылка: <https://litnet.com/shrt/L5NY>

Аннотация:

— Леш, мы же семья...

— Какая семья, Тань!? Правде в глаза уже посмотри! — ошарашил меня муж, — ты хочешь все наладить, а я хочу другую!

Пауза и словесная пощечина.

— Да, Таня, ты мне как жена больше не нужна. Устал я, надоело! Этот дом и ты для меня чужие уже давно.

Двадцать лет брака. Дом, карьера, привычка быть вместе.

Но где-то между воспитанием дочери и «хлеб закончился» мы потеряли друг друга.

Я — нелюбимая женщина.

Он — вечно занятый муж.

Развод? Или "нас" еще можно спасти?

Спрашивала я себя, пока его любовница не появилась в дверях нашего дома.

— Здравствуйте, я беременна от вашего мужа.

Глава 20

Рая

Прошло две недели.

И сегодня я собираю вещи.

Не в пакеты, а сразу в коробки. И да, пихаю всё как попало. Сейчас не до красоты.

Картон с правой стороны рвётся — да и плевать. Зубная щётка летит в короб с какими-то бумагами. Бельё — к проходам.

Всё, всё к чёрту.

Я не могу больше терпеть это унижение.

Не могу дышать в этой клетке.

Не могу слышать их шаги за стеной.

Не могу каждую ночь гадать — то ли он, то ли она, то ли оба, то ли сцена.

Настолько меня ненавидеть?

Настолько издеваться?

Я больше не могу так! Я больше так не могу!!!

Слёзы текут по щекам ручьём.

Капают на крышку коробки, а я пихаю в неё футболки. Потом вытаскиваю одну. Зачем? Не знаю.

Мну в руках.

— Вот дура ты, Рая, — шепчу сама себе, швыряя футболку обратно в кучу, — Бери ты, Рая, Артёма. Зови его на сви-

дание. Всё у вас будет хорошо! Вот прямо завтра позови.

Пауза.

Хохочу.

Громко.

Как бешеная.

Вот это блин мысль.

Я, с коробками, зарёванная, с синяком под ногтем от удара о тумбочку — и на свидание.

Теперь я точно сошла с ума.

Падаю на диван, вытираю глаза локтем.

Реветь больше нет сил.

Надо собираться дальше.

Тут же поднимаюсь.

Захожу в ванную, хватаю всё сразу: полотенце, крем, Кирину щётку, заколку.

И опять вижу перед собой её.

Её — беременную.

Прыгает перед Анваром в халатике, губки бантиком.

Сама будущая мать — а ведёт себя как проشمанд....

Зачем она это сделала? Зачем? неужели не стыдно издеваться надо мной тем более так?

Все. Рая ты снова завелась.

Руки дрожат.

Бросаю крем в коробку — он отлетает на пол.

Плевать.

Возвращаюсь в комнату.

Хочу туда сюда.

Открываю шкаф, хватаю зимние вещи.

Толстовка вываливается, ловлю её и вместе с ней — ещё один ком воспоминаний.

Как Анвар угощал меня кофе, как смотрел в глаза.

И как потом ухмылялся...

— Сука, — шепчу в никуда.

Пинаю коробку.

Больно ударяюсь мизинцем.

— Аааай! — рывкаю, подпрыгивая на одной ноге.

Смеюсь.

Сквозь слёзы.

Вот и приплыли.

Открываю окно. Вдыхаю воздух. Смотрю вниз. Прохожие.

Молодцы какие, гуляют они. Молодцы. Ну вот пусть и гуляют дальше,.

Смотрю на часы.

Скоро забирать Киру из садика.

Вдыхаю носом.

Выдыхаю ртом.

Собираю волосы в тугий хвост.

Надо быть взрослой.

Надо ей как-то объяснить, что мама не может жить с папой через стенку.

Что мама не железная.

Что мама... просто устала.

Но вот как это ребенку объяснить.

Медленно подхожу к зеркалу.

Гляжу в отражение.

— Ну что, Рая... — шепчу себе под нос, — Пора заканчивать эту клоунаду.

И возвращаюсь к коробкам.

Стук в дверь снова, как выстрел.

Надо же, опять приперся.

Я уже знаю, кто это.

— Рая! Открой!

Голос режет слух.

Я стискиваю зубы.

— Нам не о чем говорить! У тебя другая семья!

— Вы моя семья! — орёт он, глухо, будто через злость, — Были и всегда будете!

— А твоя беременная любовница об этом знает?! — кричу я в ответ, не выдерживая, — Ты хоть раз подумал о своей семье, папаша ты недоделанный! Нет! Ты просто ушёл!

Он молчит секунду.

Потом, будто ничего не слышит:

— Рая, открой. Я был неправ. Я думал, так будет лучше.

— Лучше?! — смех срывается с губ, — Лучше для кого, Анвар?! Для тебя? Чтобы не видеть, как я с ребёнком одна справляюсь? Чтобы не слышать, как она плачет по ночам, зовёт тебя?! А как мне отвечать ей? Папа нас нахер послал прости меня?! Папе плевать что мы едим, как живем и какая

по ночам у нас мокрая подушка!

Бью в ответ кулаком по двери.

Раз, два, три.

Звук — как сердце в груди.

— Ты ушёл, когда я больше всего нуждалась в тебе! —
каждое слово режет горло, — Когда мне было страшно, когда
я не знала, что делать, когда я не спала ночами! Где ты был,
а?! Где ты был, Анвар?!

Он молчит.

— Я был не в состоянии... я...

— Ты был трусом! — перебиваю я этого наглеца, — Ты
просто испугался! Испугался ответственности, меня, Киры,
этой чертовой любви, которой ты не заслужил! Не заслужил
ты нас! Не дсотоин!

Слёзы текут, но уже не жалость.

Они жгут, как кипяток.

— Я ненавижу тебя, слышишь? — кричу и он наверняка
слышит, — Ненавижу. За то, что бросил. За то, что не вер-
нулся. За то, что я до сих пор помню, как ты уходил, и не
смогла остановить. Я ненавижу тебя! Ты предатель! Ты бро-
сил нас! Я никогда не прощу тебя, слышишь!!!

Он ударяет кулаком в дверь. Сильно.

Я отшатываюсь.

— Не говори так! Я всё исправлю!

— Поздно! — кричу в ответ, — Исправлять надо было то-
гда, когда я сидела на полу с Кирой на руках и не знала, как

прокормить нас! Когда у меня тряслись руки, когда она спрашивала: “Папа придёт?” — а я врала, что да!

За дверью тишина ровно десять секунд.

— Я думал, если уйду, вам будет проще...

— Ты думал?! — смеюсь в голос, горько, — Ты никогда не думал, Анвар! Ты просто ушёл. И всё. А теперь пришёл и решил, что можешь вломиться обратно в мою жизнь?

— Рая, я всё понимаю...

— Нет, не понимаешь! — я уже шепчу, но каждое слово острое, как нож. — Если бы понимал, не оставил бы. Не исчез. Не заставил бы меня выживать, когда я едва держалась на ногах!

Он дышит громко.

Я вижу в глазок, как он прижимается лбом к двери.

— Я скучаю...

— Скучай в другом месте. — кричу в ответ и толкаю закрытую дверь, — А я устала. От тебя, от всего. От того, что ты вспоминаешь нас только тогда, когда тебе одиноко.

Я хватаю телефон, стираю слёзы.

— Уходи, Анвар. Пока я полицию не вызвала.

Но резко звенит телефон, пронзительно, будто режет воздух.

Я подсказываю, сердце сразу в горле.

На экране — садик.

— Да, Рая, здравствуйте.

— Здравствуйте. Что случилось? — голос дрожит, трево-

га уже взлетает по позвоночнику.

Зачем звонить? Что стряслось?

Анвар с той стороны двери всё ещё толкает, ругается, я машинально стучу обратно — отвали! — но ухо к телефону.

— Да ничего, просто... хотела уточнить, тут Кира забыла свои ботинки на смену.

— В смысле — забыла? — слова выходят сдавленно, — Кто её забрал?

Тишина.

И в этой тишине я слышу стук своего сердца.

— Так ваш молодой человек, как обычно, забрал.

— Что?!

— Ну тот, что с вами эти недели за ней приезжает. Такой высокий, в костюме, с мужчинами какими-то. Приехали на машинах — ух, чёрные все такие, серьёзные. Классный у вас ухажёр, Раечка. Крутой такой!

Я перестаю дышать.

Мир сжимается в точку.

Мой человек? Машины? Мужчины?

Голова гудит, пальцы белеют на телефоне.

— Я... сейчас приду.

Сбрасываю звонок.

Что?

Осознание приходит не сразу.

Знаю только одно - Кто-то забрал мою дочь.

Анвар орёт за дверью — что-то злое, нервное, я даже не

различаю слова.

Шумит кровь, дыхание рвётся.

Я поворачиваю ключ.

Дверь со скрипом открывается.

Он стоит прямо передо мной, хмурый, растерянный. Глаза
по три копейки.

— Рая... я...

— Анвар... Нашу дочь забрали.

Глава 21

Рая

Анвар заскакивает в квартиру на пару секунд — берет телефон, ключи, что-то бормочет про документы, — а я в это время закрываю дверь снаружи, будто хочу отгородиться от этого мира, в котором мою дочь забрали...

Забрали и не спросили.

Мы идем к лифту.

Меня трясет.

Внутри все дрожит, как будто я ледяную воду залпом выпила, и теперь по венам ползет ужас.

— Кто ее забрал? Как? — Анвар жмет на кнопку лифта, словно от этого появится ответ.

— Артем, — выдыхаю, сама не веря, — Сказали, что Артем. Воспитательница... она сказала, что с ним, что... он приезжал все эти дни, забирал со мной ее. А сегодня приехали еще какие-то мужчины, на черных машинах.

Мои слова обрываются.

Дыхание сбивается.

Я цепляюсь пальцами за поручень в лифте, словно боюсь упасть.

— Это что вообще? Как они могли? — тихо повторяю я, — Это же моя дочь. Как?

Анвар смотрит на меня, сжал кулаки, но молчит.

Даже он не знает, что сказать.

— Может, это ошибка? — шепчу, уговаривая себя, — Может, просто ошибка... какая-то нелепая путаница...

Двери лифта открываются.

Я вылетаю из кабины, как на автомате, всё в тумане.

Пытаюсь вспомнить, как дышать.

Как идти.

Мы бежим через двор.

Ветер бьет по лицу, но я не чувствую.

Ноги будто ватные.

Я спотыкаюсь, чуть не падаю, но Анвар ловит меня за локоть.

— Осторожно, — хрипло рычит на эмоциях он.

Я едва киваю.

Слеза стекает по щеке, я её не вытираю.

Не до этого.

В голове одна мысль:

где ты, Кирочка? Где ты, мое солнышко?

Детский сад.

Песочница.

Ворота.

Калитка.

А внутри — я даже не знаю, кто.

Вдруг они... вдруг что-то не так?

Что, если я опоздала?

Сердце стучит так, будто хочет вырваться из груди и са-

мому бежать вперед, кричать её имя, спасать, искать.

Господи, пусть это правда ошибка. Пусть. Пусть.

Но что-то в глубине уже знает — это не ошибка.

— Где моя дочь?! — я почти визжу когда залетаю туда, горло рвется, дыхания не хватает,— Как вы могли её отдать?! Кому?! Вы вообще головой думаете?!

Воспитательница пятится назад, глаза круглые, губы дрожат.

— Раечка, я... я думала...

— Думали?! — меня трясет неистово, — Вы думали?! А если бы её увезли, если бы с ней что-то сделали?! Вы хотя бы проверили, кто этот человек?!!

— Ну... — она бледнеет, — он же приходил каждый день, забирал, я думала, ваш молодой человек...

— Какой ещё к чёрту мой молодой человек?! — я кричу так, что даже воздух дрожит, — Вы что, с ума сошли?!

Анвар в этот момент отодвигает меня.

Я в ярости, но вижу, как он достает удостоверение, коротко показывает.

— Нужно камеры. Срочно.

Он говорит спокойно.

Я — нет.

Меня будто выворачивает изнутри.

Все мышцы сводит. Меня крутит.

Где моя дочь?

Он звонит кому-т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.